

Влада Ольховская

Новый год, я люблю тебя!

*фэнтези*приключения*любовь*

16+

Влада Ольховская

Новый год, я люблю тебя!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28073640

Аннотация

Я была уверена, что Новый год пройдет одиноко и предсказуемо – а 31 декабря в мой магазин явился колдун. И вот я выясняю, что по его вине я продала обычным людям заколдованные елочные игрушки и одиннадцать ни о чем не подозревающих семей оказались в магических мирах. Колдун рвется спасти их самостоятельно, но я ему не верю, я лично прослежу, чтобы он не допустил новых ошибок. Поэтому вместо елки, мандаринов и оливье меня ждут замки и леса, прошлое и будущее, Голливуд и сказочные чудовища, а еще – самый странный и самый важный Новый год в моей жизни.

Содержание

Глава 1. Господин Январь	4
Глава 2. Чистый честный февраль	31
Глава 3. Бойся марта месяца	62
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Влада Ольховская

Новый год, я люблю тебя!

Глава 1. Господин Январь

Тридцать первого декабря на часах было без десяти шесть, когда дверь в магазин открылась и вошел он – господин Январь. Я его сразу узнала, с первого взгляда... Нет, начать следует не с этого.

Начать нужно с того, что я не люблю Новый год. Даже больше, чем другие праздники, хотя и с ними у меня отношения не очень – взять хотя бы день рождения, который милыми подарками умело маскирует еще один начисленный год жизни. Но от дня рождения можно убежать, улететь как можно дальше, отключить все телефоны, окопаться на безлюдном пляже и ждать, пока минует это стихийное бедствие.

А Новый год – он повсюду, ты от него не спрячешься, не скроешься, о нем будут говорить не день и не два, а месяц. Хотя какой месяц, о чем я? Два, с самого ноября!

Что любопытно, подготовку к Новому году я люблю, и даже очень, все эти елочки, шарики, звездочки и прочих ангелов, насаженных на верхушку елки. Они оживляют серые ноябрьские дни и делают суровый декабрь каким-то по-детски сентиментальным. Но тридцать первое число... нет, не

мой день. Мне сложно поверить, что два месяца подготовки и предвкушения приведут только к посиделкам за дежурными салатами да просмотру банальных до тошноты передач по телевизору. Ну, или фильмов, которые сами по себе не так плохи, но на десятом повторе начинают надоедать.

Хуже всего то, что тридцать первого вечером, среди всех этих салатов и хлопучек, ты понимаешь, что Новый год пришел – а чуда опять не будет. Совсем. И если в детстве ты ловила снежинку и, пытаясь уберечь ее от собственного тепла, шептала над ней желание, то теперь все иначе. Хочется оставаться взрослой и невозмутимой, а не получается, мысли снова и снова возвращаются к трем десяткам несбывшихся желаний и трем десяткам не оправдавших надежды снежинок.

В общем, этот день нужно было просто пережить. Вступить в него с утра пораньше, нырнуть, как в холодную воду, и делать вид, что ничего не происходит. Нет, я, конечно, не сидела за прилавком с кислой миной, не хватало еще другим настроение портить. Я отвечала на поздравления от незнакомых людей и сама поздравляла их, делая вид, что нет в мире праздника лучше, чем Новый год. Но на душе у меня кошки скребли, я знала, что из моего магазина эти люди побегут домой, к своим предсказуемым, и все же любимым традициям, а я уныло побреду домой, бурча, что из-за их дурацкого Нового года приличному человеку даже пиццу не заказать. Поужинаю йогуртом, или что там в холодильнике найдется,

и лягу спать часов в десять. Вот и за что мне любить этот праздник?

Скорее бы день прошел, так нет же, он тянется, как улитка по рельсам: конца не видно, прогресс тоже не очень, но деваться некуда. Если бы сегодня была обычная смена, до девяти, я бы уже волком взвыла. Однако в праздничный день мы работали до шести, и это несколько облегчало мою участь. Осталось продержаться меньше часа, и я смогу идти домой, к своему йогурту и депрессии.

По большому счету, я вообще не должна была стоять за прилавком. Для этого у меня, хозяйки магазина, имелись специально обученные люди в лице подрабатывающих студенток Люды и Наташи. Но умненькая пухленькая Люда отпросилась у меня заранее: ее родители жили далеко, она собиралась устроить им сюрприз, а для этого нужно было стартовать из Москвы никак не в шесть вечера.

Ее должна была заменять старательная, но не слишком сообразительная Наташа, однако ее я отпустила сама. Тридцать первое декабря – прибыльный день для магазина, торгующего подарками, народу иногда заглядывает столько, что очередь тянется до улицы. Поэтому я дала Наташе внеочередной выходной, к ее немалой радости, и стала у кассы сама.

Фердинанд – это не знойный испанский мачо, увы. Это хомяк. На кой мне хомяк? О, с этого вопроса я начинаю каждое утро, когда чищу его клетку. Всегда знала, что доброта меня погубит, но умнее от этого не стала. Когда я увидела возле

мусорных баков трехлитровую банку с еле живым от холода грызуном, мне нужно было просто пройти мимо, как проходили все нормальные люди. Пухлый персиковый хомяк был не моей проблемой, все указывало на то, что кто-то купил его, наигрался, а потом устал за ним ухаживать и выставил к мусорке, как сломавшуюся игрушку. Право хозяина, как говорится. Не нужно портить себе настроение, убивая мелкого зверька, достаточно оставить его на улице – и дело сделает осенний холод, выползающий из своей норы ночью.

Так что да, надо было пройти мимо, но я не прошла. Взяла эту дурацкую банку, отнесла к себе, обмотала теплым халатом, полезла в интернет смотреть, чем питаются эти комки пуха. Я, если честно, была почти уверена, что Фердинанд, едва получивший имя, меня безвременно покинет: он лежал мордой в стенку и не шевелился. Но паренек оказался живучим, уже утром он требовал у меня еды, воды и расширения жилплощади.

Фердинанд обзавелся апартаментами площадью шестьдесят на сорок сантиметров, я – беззвучным, равнодушным к моим проблемам соседом. Говорят, что животные очень похожи на своих хозяев... Думаю, и мы с Федькой были чем-то похожи. Оба брошенные кем-то, безразличные ко всему и не очень-то счастливые.

Хотя кто бы понял это, глядя на меня? В честь праздника я сегодня была Снегурочкой: надела отороченные мехом сапожки, белые колготки (чего со мной не случилось с дет-

ского сада), мерцающее серебром платье-шубку и шапочку с задорным помпоном. Шапочка стратегически скрывала мои огненно-рыжие волосы, которые Снегурочке никак не подходили. Ну а что делать? Не было у меня русой косы с руку толщиной, да и не прельщал меня такой аксессуар. Я ведь не актриса из ТЮЗа, я просто желающий порадовать людей продавец, так что обойдусь помпоном!

Платье-шубка было коротким, но под ним размещались шерстяные шорты. Во-первых, так было теплее. Во-вторых, они были призваны защитить меня от тех клиентов, которые глупость не только подумают, но и попытаются сделать, всякое случалось.

Впрочем, не в этот раз. Бурная толпа атаковала магазин «Сашины подарки» где-то в обед, в два часа, к вечеру наступило затишье. Народ отправился строгать оливье, стоять в очередях в продуктовых магазинах и ругаться с телевизором, который вечно показывает не то и не так. Я даже думала позволить себе уйти пораньше – начальник я или нет? Но решила все-таки досидеть до шести, Фердинанд как-нибудь дождется. Какой вообще выбор у того, кто заперт в клетке?

И вот это возвращает нас к тому, что без десяти шесть пришел господин Январь. Мне хватило одного взгляда на него, чтобы понять, кто передо мной, хотя я прежде никогда не видела этого мужчину. Да и какая разница, кто он? Господин Январь – это не определенный человек, а особый тип новогоднего покупателя.

Неожиданный гость был молодым, лет тридцати от силы, очень высоким и здоровенным. Думаю, в детстве он наверняка был пухлым мальчиком, и если бы не взялся за ум, то сейчас стал бы похожим на снеговика дяденькой. Но за ум он взялся, было видно, что со спортом он очень даже знаком. Мужчина был бледным, темноволосым, с трехдневной щетиной на лице, которая была недостаточно ухоженной, чтобы сойти за дань моде. Однако самой примечательной его чертой были зеркальные солнечные очки, надежно скрывающие от всего мира его глаза. Тридцать первого декабря вечером. Солнечные очки. Круто.

При этом одет он был очень дорого и со вкусом. Я такие вещи оценивать умею – иногда у продавца есть минута, чтобы отличить обычного клиента со странностями от потенциального разрушителя витрин. Этот чудик в очках вполне мог быть наркоманом, поэтому я сразу внимательно его осмотрела.

Что ж, если он и торчок, то очень богатый. Одежда явно из последних коллекций, подобрана точно по размеру, на руке – часы, которые стоят больше, чем моя машина. Так что он, скорее всего, или айтишник, или очень уж занятой бизнесмен. Думаю, первое: прожег себе все глаза этими своими мониторами, вот и ходит теперь в очках.

Такие типы живут только работой даже в праздничный сезон, прямо как я. Уверена, ковыряясь в своих кодах и программах, он был убежден, что уже наступил январь. И тут

взгляд на календарь обрушил на него неприятное открытие: здравствуй, дядя, Новый год! Он бросил чудо-машины и испуганным оленем ломанул в магазин, покупать подарки близким, чтобы они не начали бурчать «ты со своими компьютерами света белого не видишь». Поэтому я таких и называю господин Январь: они гости из будущего, они уже из января, который еще не наступил.

В общем, вызывать полицию было не нужно, нужно было перетерпеть его визит и идти домой, к хомяку.

Господин Январь подошел к прилавку, и я снова перешла в режим Снегурочки:

– Добрый вечер! С наступающим!

Я увидела свое отражение в его зеркальных очках. Дура дура, честное слово... еще помпон этот...

Ладно, не важно. Я для него вообще не человек, а элемент интерьера, многие относятся к продавцам именно так.

Такие люди, как господин Январь, – всегда хорошая возможность. Они, как правило, не знают, чего хотят, поэтому продавцы в магазинах спешат втюхать им Завалящую Ерунду. Это товар, который никому и даром не нужен в любой другой день. Но перед праздником на ура расходятся все эти просроченные наборы для душа, плюшевые мишки, керамические статуэтки с какающими политиками и спортсменами и тому подобная дребедень. А все потому, что подарок нужно покупать хотя бы за неделю, а лучше – за месяц до праздника. Не успели? В какую бумагу вам Завалящую Ерунду за-

вернуть?

Я продолжала улыбаться, перебирая в уме все, что можно ему сбыть, чтобы складу стало полегче. Но господин Январь проявил неожиданную подготовленность:

– Мне нужна «Новогодняя коллекция».

Я, уже мысленно продававшая ему дурацкого стеклянного слона, смутилась:

– Что? Вы имеете в виду?..

– Елочные игрушки ручной работы, «Новогодняя коллекция», я возьму все двенадцать.

Я прекрасно знала, о чем он говорит. Это сегодня я изображаю клинически оптимистичную Снегурочку за кассой, обычно я сама подбираю товар. «Новогодняя коллекция» была просто находкой сезона, я перехватила ее чуть ли не случайно, в середине декабря, но ни разу не пожалела. Удивительной красоты елочные игрушки разлетелись за считанные дни, хотя цену я на них поставила, прямо скажу, атомную – и мне не стыдно.

Они того стоили. Каждая из этих игрушек была уникальна, в каждой чувствовалось тепло, совсем как в детстве. «Новогодняя коллекция» не шла ни в какое сравнение с теми дешевыми пластиковыми клонами, которые штампует Китай, и даже со стеклянными шариками подороже. Глядя на них, в магию Нового года начинал верить даже такой сухарь, как я. Ненадолго, конечно, только пока в моих руках было это сияющее чудо, но это уже много. Такие игрушки возвращали

любого, кто их видел, куда-то в прошлое, где в теплой комнате стоит елка, пахнет мандаринами, хвоей и корицей, все близкие еще живы, а с ними жива и вера в чудеса...

Словом, «Новогодняя коллекция» меня так впечатлила, что я даже оставила один шарик себе. Не то что выкупила, просто спрятала под прилавком, подальше от посторонних глаз. Но вот пришел этот странный тип, да еще и оставшийся шарик из коллекции называется «Январь».

Видно, судьба. Пускай забирает, мне не жалко, я все равно Новый год не люблю. У меня и елки-то нет... Под этот шарик я думала подобрать обрубленную ветку возле одного из елочных базаров, но обойдусь и без нее.

Я достала из-под прилавка коробку с «Январем» и поставила ее перед покупателем.

– Вот все, что осталось.

– Только один? – поразился мужчина.

Его удивление было так велико, будто я сказала, что Земля плоская и держится она только на трех китах, да еще песнях группы АВВА. А я могла такое сказать – я их песню Harry New Year сегодня раз пять в магазине послушала. Что делать, народу нравится!

– Только один, – подтвердила я. – И то случайно остался, других давно уже нет.

– Но мне нужны все двенадцать!

– Сочувствую. Могу предложить один или ни одного, вот такое у нас сегодня меню.

Выбирайте быстрее, мы закрываемся.

Он выглядел таким разочарованным, что мне даже стало жаль его... Почти. Но нет. Он ведь не был несчастным стариком, который только что лишился последней корочки хлеба на праздники. Господин Январь хотел купить дорогущую коллекцию игрушек ручной работы и уж явно не себе.

Скорее всего, игрушки заказала его дама сердца. «Зай, хочу шарики, чтоб такие – динь-динь – висели на елке! И чтобы ручной работы, а то дизайнерские уже у всех, а я – не как все!» И ради ее огромных голубых глаз и не менее огромного творения пластических хирургов он покинул свой уютный компьютерный рай и отправился сквозь пургу сюда – навстречу облому.

Образ господина Января был уже не таким мистическим. Мне почему-то неприятно было представлять рядом с ним грудастую дуру, виснущую у него на руке.

– У нас есть другие игрушки, – предложила я. – Могу показать.

– Не нужно. Лучше скажите мне, кто купил «Новогоднюю коллекцию».

Он взял в руки «Январь» и осторожно осмотрел коробку. Внутри под защитой прозрачного пластика покоилась игрушка: большой стеклянный шар, нежно-голубой, воздушный, украшенный тончайшими зеркальными узорами. Я, если честно, даже отдаленно не догадывалась, как можно было сотворить такое чудо. Оформляя заказ на «Новогоднюю

коллекцию», я пыталась узнать имя мастера, который ее сделал, но мой проверенный поставщик лишь руками разводил. Ему, похоже, игрушки тоже достались лишь по невероятному стечению обстоятельств.

– Вы шутите? – поразила я. – Думаете, я помню, кто купил одиннадцать шаров за две недели?

– Думаю, что нет. Но у вас есть камеры наблюдения, есть кассовый аппарат, многие платят карточкой, а постоянных клиентов вы и вовсе должны знать, в маленьких магазинчиках так часто бывает.

Вот не понравился мне его деловой тон – настолько, что захотелось ему заводного пингвина в известное место засунуть. Чего он тут раскомандовался? Да, я могу выяснить, кто купил хотя бы часть коллекции, – но не хочу и не буду. Это незаконно, да и хлопотно.

– Я не собираюсь ничего вам сообщать. Либо покупайте игрушку, либо уходите. Вы график работы на дверях видели? Вы меня уже задерживаете!

Но он не двигался с места, и мне вдруг стало страшно. До меня лишь сейчас дошло, что господин Январь меня на голову выше и намного сильнее. Если бы не спасительный прилавок, разделяющий нас, этот медведь уже нависал бы надо мной.

Может, полицию вызвать? Нет, рано еще. Дежурные будут совсем не рады кататься тридцать первого декабря по городу только потому, что я испугалась.

– Вы многого не понимаете, – вздохнул господин Январь. – Это не обычные украшения. Они попали к вам случайно, их вообще не должно быть в этом мире! Если их срочно не вернуть, случится непоправимое.

– Вы что, пьяный?

Спрашивая это, я и так знала, что он не пьяный – я стояла к нему почти вплотную и почувствовала бы запах алкоголя. Но он мог быть под действием наркотиков, и это объясняло бы зеркальные очки.

Любопытно мне, что это за дурь такая, которая заставляет ночью покупать елочные шарики, да еще с таким рвением, будто от них зависит судьба галактики?

Господин Январь посмотрел на свои часы, сравнимые с годовым бюджетом Эфиопии, страдальчески поморщился и принялся распаковывать елочную игрушку.

– Что вы делаете? – недовольно поинтересовалась я.

Мне вдруг стало жалко пудрово-голубой шарик, казавшийся опасно хрупким в медвежьих лапищах покупателя. Если этот нарик разобьет игрушку, я, конечно, переживу, но будет обидно. «Январь» казался таким трогательно беззащитным, что мне хотелось забрать его и согреть в ладонях, как живое существо.

И вот тут покупатель снова удивил меня – он протянул елочную игрушку мне.

– Коснитесь его.

– Э-э-э... чего?

– Коснитесь, – повторил господин Январь. – Времени осталось совсем мало, я не могу спорить с вами весь вечер, убеждая вас в том, что наверняка покажется вам невероятным.

Почему в другие магазины заходят нормальные люди и оставляют там кучу денег, а мне достался какой-то сумасшедший? А это Новый год мне мстит за то, что я его не люблю!

– Уйдите, пожалуйста, – тихо попросила я. – По-моему, вам нужно проспать.

– О чем я и говорю: вы не готовы к конструктивной беседе.

– Думайте, что хотите, только вне моего магазина!

– Сейчас уйду, – неожиданно легко согласился господин Январь. – Только шарик у меня заберите, а то я ведь псих, разобью еще ненароком!

Подвохов тут могло быть много. Протягивая руку за шариком, я давала господину Январю возможность ударить меня, схватить, перетащить за прилавок... В общем, мое возмущение активно рисовало всякие ужасы, а глас рассудка требовал послать его подальше и нажать тревожную кнопку. Но очень уж мне было жаль светло-голубое искристое чудо, устроившееся у него на ладони. Я решила не паниковать и спасти «Январь», а потом уже решать, как выпроводить этого психа.

Когда я потянулась к шарик, мужчина даже не шелохнулся. Настороженная и готовая ко всему, я обеими руками

коснулась елочной игрушки – и мир исчез.

Было такое чувство, будто подо мной провалился пол, и теперь я лечу вниз... Да какое там лечу? Падаю, как булыжник, тяжело и быстро, а вокруг меня мелькают разноцветные огни – золотые, красные и белые. А так не должно быть! Мой магазин расположен на первом этаже, и даже если бы я вдруг рухнула под землю, то оказалась бы на ближайшей станции метро среди очень удивленных пассажиров.

Но вместо этого я провалилась непонятно куда и падала очень долго – ненормально долго, хотя я не смогла бы сказать, сколько длилось это парение. Закончилось оно так же быстро и неожиданно: я грузно повалилась на что-то мягкое и упругое, милосердно смягчившее удар.

Некоторое время я лежала неподвижно, не открывая глаз. Я пыталась понять, что со мной произошло. На меня напали? Я умерла? Этот странный тип распылил в зале какой-то наркотик и теперь мне мерещится непонятно что? Вот знала же, знала, что нужно было сразу жать на тревожную кнопку! Нельзя ожидать ничего хорошего от мужика в солнечных очках, которому срочно понадобились стеклянные шарики. Если уж на то пошло, как это гриб узнал, что «Новогодняя коллекция» у меня? Рекламу я не давала, я вообще не рекламирую отдельные товары. А раз он наивно полагал, что может купить все двенадцать, он услышал о них не от кого-то из моих клиентов.

Ладно, фиг с ним, сначала нужно понять, где я. Сделать

это было бы удобней с открытыми глазами, но мне было страшно, и я предпочла сосредоточиться на оставшихся чувствах. Так, подо мной что-то мягкое, но не слишком, похоже на поролон. Оно не теплое и не холодное, обычное, комнатной температуры. Воздух пахнет чем-то сладким, кажется, ванилью. Рядом... шумит лес?

Какой еще лес? Лес в Москве?

От удивления я открыла глаза – и обнаружила, что сошла с ума.

Начать хотя бы с того, что я лежала на гигантской зефирке, со всех сторон присыпанной мягчайшей сахарной пудрой и оттого похожей на сугроб. Рядом со мной мягко шелестели ветвями сосны и ели – с шоколадными стволами и карамельными иголками. На кустах неподалеку от меня возвышалась снежная шапка, на проверку оказавшаяся сладкой ватой. Я опасливо посмотрела на небо, проверяя, не польется ли с него сироп, но нет, небо было обычное – только лишенное солнца, хотя солнечный свет все равно откуда-то долетал.

А теперь расскажите мне, как я вдруг оказалась в эротических фантазиях безумного сладкоежки?

Пока я пыталась понять, что к чему, у меня появилась компания. Господин Январь вышел из-за стены елок с таким видом, будто ничего необычного и не происходит. Он подошел к зефирке и подал мне руку, но я не спешила его касаться. Я уже повелась на это в магазине – и где я теперь?

– Вам нечего бояться, – заверил меня господин Январь. – Просто если бы я взялся описывать все это словами, времени ушло бы куда больше, да вы бы и не поверили мне. Теперь, когда вы видите это, думаю, разговор пойдет легче.

Интересно, что было бы, если бы я тридцать первого декабря не полезла выполнять чужую работу и за прилавком стоял кто-то из моих девчонок? Наташа, скорее всего, сначала разрыдалась бы, а потом притворилась мертвой. Люда попыталась бы съесть этот мир, а потом начала задавать вопросы.

В общем, повезло господину Январю, что ему попалась я.

С тяжелым вздохом я подобралась к краю зефирки и позволила господину Январю помочь мне. Умом я понимала, что всего этого не может быть. Даже если бы кто-то взял-ся вдруг построить сладкий мир (от избытка денег, видимо), как бы я попала туда из своего магазина за долю секунды? И все же я не только видела все это, я могла дотронуться, я чувствовала запахи, а когда мне в нос попала потревоженная движением сахарная пудра, я чихнула.

– Будьте здоровы, – сказал господин Январь. – Но давайте по делу.

– Чихать по делу?

– Говорить по делу. Предлагаю прогуляться, чтобы вам было проще адаптироваться.

Адаптируешься к такому, конечно... Мне всегда казалось, что «молочные реки и кисельные берега» – это просто фра-

за. Ага, если бы! Тут это все было, и даже больше. Мы шли по лесу, который казался зимним, но на самом деле был теплым и... съедобным. Под ногами у меня уютно поскрипывали сахар и сладкая вата, на ветвях попадались то леденцы, то пастила, по некоторым стволам струилось какао, в ручейках плескалась и пузырилась газировка. Тут даже животные и птицы были шоколадными!

Это, кстати, меня несколько напрягло. Вдруг я тоже скоро стану бессмысленно улыбающейся шоколадной Снегурочкой? Не хотелось бы!

Господин Январь дипломатично хранил молчание, давая мне возможность прийти в себя.

Наконец я не выдержала:

– Это что, все настоящее?

– Вполне. Пробуйте, если хотите.

Он ожидал, что я смущусь и сошлюсь на диету? Да конечно! Я с утра не отходила от прилавка, у меня из-за посетительниц даже не было перерыва на обед. Поэтому я сделала шаг в сторону от тропинки и отломил кусок от пня, оказавшегося шоколадным пряником.

– Ладно, рассказывайте, – позволила я. – Я уже сошла с ума, мне все равно.

– Все мы немного безумны, – рассудил господин Январь. – Но то, что вы видите, – это не галлюцинация. Это магия. Мы с вами находимся в миниатюрной версии кластерного мира.

– Я даже не знаю, что такое кластерные миры, не говоря

уже о миниатюрных версиях!

– Вам и не положено знать. Вы – обычный человек, живущий во внешнем мире, вас магия не касается, и меня не похвалят за то, что я рассказываю вам это. Но, поверьте, у меня просто нет выбора.

Он все косился на меня, ожидая, когда я впаду в истерику и начну называть его дьяволом. Но я задумчиво жевала пряник, прикидывая, чего бы еще попробовать. А что мне терять? Пустую квартиру и не очень веселую жизнь? Нет, я, конечно, умирать не хочу и сделаю все, чтобы этого не случилось. Однако я впервые столкнулась с тем, чего не могла понять, и уже чувствовала, что это важно.

– Если убьете меня, выпустите, пожалуйста, Федьку, – попросила я. Теперь уже я застала его врасплох.

– Какого еще Федьку?

– Хомяка моего. Если со мной что-то случится, за ним не придут, он никому на фиг не нужен. Не хотелось бы, чтобы он в Новый год умирал от голода.

Господин Январь повернулся ко мне и долго рассматривал, будто надеялся, что у меня на лбу диагноз высветится. Зеркальные стекла надежно скрывали его глаза.

– Вы странная девушка, – наконец выдал он. – Как вас зовут? Простите, мне следовало с этого начать.

– Саша, – представилась я. – Давай на «ты», мы все-таки ровесники, я уже не на работе, и ты меня похитил. Думаю, ситуация не совсем формальная.

– Меня зовут Артем, и я вас не похищал. То есть, тебя...

Артем? Господин Январь и то звучало загадочней!

– Ты колдун? – прямо спросила я.

– Да, – кивнул он. Судя по всему, ему было непросто при-
выкнуть ко мне.

Мы оба оказались в непривычной ситуации, и я не соби-
ралась упрощать ему жизнь предсказуемым поведением.

– Колдун Артем – ну не звучит, – указала я. – Это ведь не
твое настоящее имя, не так ли? И снова я застала его врас-
плох:

– Да... Но мое настоящее имя тут не при чем! В твоём
мире я использую имя Артем, оно тоже мое, на нём и оста-
новимся. Давай лучше вернемся к кластерным мирам.

– Давай, – согласилась я, отламывая кусок шоколадной
ветки. Если меня похитили и, возможно, все-таки убьют, ка-
кой толк тревожиться о талии?

– Кластерный мир – это магический мир, тебе так будет
проще понять. Только кластер – это ограниченное простран-
ство, созданное искусственно.

– Зачем? – полюбопытствовала я. Мне пока сложно было
представить, как можно создать целый мир.

– Чтобы нелюди и маги могли там свободно жить, не скры-
ваясь от людей. Кластерные миры – очень сложная тема, тебе
пока нужно условно их представить, если будет время, объ-
ясню потом.

– Ах да, мы ж куда-то спешим...

– Мы спешим возвращать мини-миры. Такие, как этот, – Артем обвел рукой кондитерское великолепие, окружавшее нас со всех сторон. – Я, как ты уже знаешь, колдун, моя семья создает магические артефакты, это предметы, которые имеют определенную силу. Эти игрушки, вся «Новогодняя коллекция», – сильнейшие артефакты. Каждая из них скрывает в себе небольшой мир.

– Как можно засунуть мир в елочную игрушку? А главное, зачем?

– Можно, при большом желании и должном мастерстве. Конечно, это будут не настоящие миры. Полноценный кластерный мир может существовать столетиями, в зависимости от запаса энергии, его очень сложно уничтожить. А мини-миры существуют от силы неделю. Их создание требует большого количества энергии, они вполне настоящие – насколько настоящим вообще может быть магический объект.

Чувствовалось, что он гордится своей работой. Я, конечно, не эксперт, у меня магического опыта – минут двадцать, но рискну предположить, что кроить целые миры и правда непросто, даже на пару дней. А потом засовывать их в елочную игрушку.

– Что же до причин создания таких миров, то они чаще всего связаны с развлечениями, – продолжил Артем. – Иногда они создаются для военных и преступных целей, но я таким не занимаюсь. Моя задача – создание миров, которые выполняют желания людей. Каждый такой артефакт делает-

ся под заказ, а заказов я беру немного. Собственно, я за год только двенадцать штук и создал. Каждый из них – чья-то исполнившаяся мечта.

– Даже вот это? – Я провела рукой по карамельной ветке, стряхивая с нее сахарную пудру. Сладкого больше не хотелось. Хотелось соленых чипсов.

– Это подарок для группы маленьких детей, – пояснил Артем. – Говорю же, все подарки разные, и каждый такой мир выглядит так, как нужно заказчику.

– Это возвращает нас к главной теме дня: как чудо-шарики попали ко мне? Не помню, чтобы я брала на реализацию чьи-то мечты!

Ох, как же все это дико... Мне и связываться с таким не хотелось. Но вполне реальный сахар в моей крови уже требовал действия, наполняя меня энергией. Умирать я, кстати, не собиралась, так что Артем не соврал: это были самые обычные сладости.

– «Новогодняя коллекция» предназначалась только для использования магическими существами в кластерных мирах, – признал Артем. – Но начались проблемы. Я закончил работу над ними еще в конце октября, однако вся коллекция пропала. Сначала я решил, что это воровство или саботаж, но потом оказалось, что виной всему глупость и неосмотрительность некоторых моих сотрудников. Мне сообщили, что все елочные игрушки были уничтожены.

– То есть, двенадцать заказчиков остались без чуда?

– Не остались. Разрабатывать артефакты гораздо сложнее, чем их делать. У меня сохранились все планы и чертежи по этому проекту, я задействовал энергию моего клана и создал точные копии оригинальных игрушек. Проблема казалась решенной, когда мне сказали, что первоначальная партия уцелела и каким-то образом попала во внешний мир.

Уж не знаю, как она туда попала, но я ее получила вполне законным способом – купила на складе. Мне и в голову не пришло, что с игрушками что-то не так! Никто ведь не спрашивает у поставщика: «Хм, а где ваш сертификат на магическое соответствие?»

Думаю, на каком-то этапе накладные на эти чудесные стекляшки были подделаны. Но тот, кто сделал это, просто хотел урвать денег, вряд ли он знал, с чем на самом деле работает. Если бы артефакты, или как там эти штуки называются, украли специально, их бы точно не передали в обычный магазинчик вроде моего!

Так что Артему все сказали верно: это просто ошибка какого-то жадного балбеса. Грандиозная ошибка, затронувшая одиннадцать ни о чем не подозревающих людей.

– То есть, все, кто купил у меня шарики, скоро окажутся или уже оказались в чужих пряничных домиках? – осведомилась я.

– В том-то и дело, что сладкий мир – это еще самое безобидное из моих созданий. Мини-миры создавались строго по потребностям их будущих владельцев. Если туда попадет

человек, не подготовленный к ним, ситуация может очень быстро выйти из-под контроля. Но главная угроза даже не в этом.

– Ого, в этой истории есть поворот и похуже?

– К сожалению, да. Мини-миры действуют только два дня – тридцать первого декабря и первого января. Это же новогодние подарки, дольше им существовать не положено. То есть, с тех пор, как ты продала их, они были самыми обычными игрушками. Но первый, кто дотронется до них сегодня, попадет в мини-мир, созданный не для него.

Был, конечно, шанс, что до них не дотронется никто, однако я понимала, что вероятность такого исхода невелика. Игрушки были потрясающе красивыми, они манили к себе, до них нельзя было не дотронуться!

Причем сделать это могли не только люди, купившие игрушки, но и их близкие. Так что очень скоро целая толпа людей могла оказаться в кластерных мирах, о которых им вообще знать не полагалось.

Вот только надолго ли?..

– Ты сказал, что они существуют два дня, – напомнила я. – А что происходит дальше?

– Дальше они исчезают. Заказчик, естественно, предупрежден об этом.

Ага, вот только шарики сейчас далеко не у заказчиков. Точнее, заказчики получили копии и тихо радуются. А коварные оригиналы могут неслабо так испортить кому-то Но-

вый год.

– Что будет с теми, кто не покинет мини-мир до его исчезновения? – уточнила я.

– Они исчезнут вместе с ним.

– Что, совсем?

Прозвучало не слишком умно, но я не сдержалась.

– Окончательно и бесповоротно, – подтвердил Артем. – Да, мини-мир – это очень дорогая игрушка, использующаяся для развлечения и воплощения мечты. Но с ним все равно связано колоссальное количество энергии. Когда она будет испаряться, ей ничего не стоит утянуть за собой человека.

– А если человек там будет не один?

– Тем хуже.

– И во всем этом виноват ты?

– Да, – помрачнел Артем. – Не я упустил артефакты из виду, но я их создал. Мне следовало провести проверку, когда пропала первая партия, убедиться, что они действительно уничтожены. Я этого не сделал, поэтому я теперь несу ответственность за все, что случится дальше. Я должен это исправить, пока не поздно!

Да, я понимала, что он такого не планировал и ему стыдно. Но больше всего мне хотелось взять ближайшего шоколадного снегиря и двинуть колдуну по башке. Чем он думал? Его оболтусы потеряли двенадцать миров. Двенадцать! Миров! А он просто сказал: «Окей, в жизни всякое бывает»? Да если бы Наташка и Люда посеяли ящик с мирами, я бы

заставила их носами землю рыть, пока они не принесли бы мне хотя бы осколки!

Но хуже всего то, что я вроде как тоже теперь причастна к его преступлению. Да, я не знала, что я продаю, мне никто не рассказывал о магии. Но освобождает ли это меня от ответственности? Точно? Хотелось бы, чтобы да. А если нет?

– Ну и что теперь? Зачем-то же ты пришел ко мне?

– Я смог отследить пропавшие игрушки до твоего магазина.

– И думал, что они до сих пор спокойно отлеживаются на полке? Да их чуть с руками не оторвали!

– «Январь» остался, – указал Артем.

– «Январь» остался, потому что я его припрятала для себя! Вот же ж елки...

До меня только сейчас дошло, что я тоже могла попасться. Если бы не пришел Артем, я бы унесла игрушку к себе, дотронулась до нее – и перенеслась сюда. А поскольку я мало что знаю о кластерных мирах и артефактах, я бы провела двое суток в шоколадном аду, прежде чем исчезнуть навсегда. Никто бы даже не узнал, как я погибла!

Я не выдержала, стукнула моего спутника кулачком в плечо – не сильно, но мне стало легче. Если бы Артем захотел, он мог бы швырнуть меня так, что я бы тут все карамельные елки посшибала, но он, к его чести, этого не сделал.

– Что за дела? – возмутился он.

– Это за то, что ты пытался меня убить!

– Я? Когда?

Я пересказала ему свою теорию о бесславной сладкой смерти. Колдун все-таки проникся:

– Извини. Мне очень жаль, что так получилось с этими игрушками, я совсем не того хотел. Но все уже сделано, нравится мне это или нет, поэтому я обязан помочь людям, купившим мини-миры!

– У тебя осталось полтора дня, – указала я.

– Как будто я не знаю! Поэтому я и пошел на отчаянные меры, рассказав тебе правду.

Саша, я не хотел втягивать тебя в это, но кто еще может мне помочь?

Тут он был прав. Похоже, Артем не знал чудо-заклинания, которое сообщило бы ему имена всех моих покупателей. Как странно: он мог создавать миры, но не мог их найти. Ему оставалось действовать вполне человеческими методами – смотреть видео, проверять банковские счета, а некоторых клиентов я действительно помнила, и это упрощало задачу.

Вот только мне совсем не хотелось лезть в этот бардак. Гигантский зефир и возможность пожевать желатиновый камень – это, конечно, хорошо, но я ни на секунду не забывала его слова об уничтожении миров и пойманных в них людей.

Обойдусь как-нибудь без такого риска, спасибо большое. У меня не самая лучшая жизнь, однако я рада тому, что она продолжается. Да и на кого я Федьку брошу? Вот, классное

оправдание: я не буду спасать мир, потому что мне хомяка не с кем оставить.

– Ты можешь вернуть меня обратно в магазин? – деловито поинтересовалась я.

– Конечно.

– Вот и достань нас из этой коробки с печеньем, здесь я тебе ничем не помогу. Повезло тебе, что у меня рабочий день кончился. Сейчас закрою магазин и попытаюсь составить для тебя список нужных имен – и да поможет нам видео. Но учти: я назову тебе имена и все, дальше справляйся сам, я в этом не участвую! У меня сегодня Новый год, вообще-то, ты меня от праздничного стола отвлекаешь!

Вранье чистой воды, но он ведь не знает.

– Я и не думал втягивать тебя в это! – заверил меня Артем. – Говорю же, я бы ничего тебе не рассказывал...

– Да, да, поняла уже. Давай спешить, что ли? Чем быстрее найдем список нужных имен, тем быстрее мы с тобой разойдемся в разные стороны, и я забуду о тебе навсегда.

Господин Январь слабо улыбнулся и кивнул. Он поднял вверх руку – и мир вокруг нас снова рассыпался на части, превращаясь в разноцветные огни.

Глава 2. Чистый честный февраль

Людей будто вырвали из жизни. На кухонном столе остались ингредиенты неизменного оливье – недорезанная картошка и успевшая обветриться колбаса. Работал телевизор, и какая-то дама со следами пластических операций под тремя слоями косметики пела, что все еще будет хорошо. В гостиной переливалась маленькими разноцветными лампочками гирлянд елка. Словом, это была квартира обычной семьи, готовящейся к Новому году – не хватало только самой семьи.

Я медленно шла по коридору, рассматривая развешанные на стенах фотографии. Больше всего тут было свадебных снимков, да еще профессионально снятая лав стори – сейчас это модно, не отнять. Среди ярких глянцевых картинок легко выделялся и особенно умильно смотрелся темный снимок – распечатка УЗИ. В этих пятнах еще сложно было распознать ребенка, но у молодых родителей, видимо, получалось.

Первое в моей жизни вторжение на чужую жилплощадь было поразительно мирным и простым. Нам не нужно было таиться и объясняться с внезапно вышедшими на лестницу соседями. Мы просто нашли нужный дом, поднялись на пятый этаж и – Артем провел рукой над замком.

Все, этого хватило! Замок встретил его радостным щелчком, он казался собакой, давно ожидавшей хозяина, и мы вошли в светлую покинутую квартиру. Даже если бы в это

время в соседней квартире прильнула к «глазку» бдительная бабулька, ей бы показалось, что к семейству Зомкис просто пришли гости, которых те охотно пустили.

Вообще-то, после того, как я побывала в мире со съедобными сугробами, у меня не было оснований сомневаться в колдовских способностях Артема. Но видеть такое все равно оказалось поразительно и жутко одновременно.

– То есть, ты и мой магазин мог бы так взломать? – допытывалась я. – И кассу?

– Я работаю с артефактами ювелирной точности, у меня нет времени на кассы.

– Сноб ты.

– Я занят, а тебе не обязательно идти со мной.

– Нет уж, теперь обязательно!

Изначально я собиралась распрощаться с ним, когда мы составим список имен покупателей. Приключения – это круто, но целостность моей головы мне дороже. Однако когда я вспомнила, кто купил шарик «Февраль», я не могла остаться в стороне.

Эта клиентка часто заглядывала в мой магазин, я даже запомнила, что ее зовут Оля, – и она была беременна. Еще не на последних месяцах, но уже с очень даже заметным животом. Я должна была лично убедиться, что она не пострадает, нельзя доверять такие дела чурбану вроде Артема. Он, может, и гениальный колдун, но он вряд ли понимает, что к беременным женщинам нужен особый подход.

Впрочем, Оля попала в колдовской мир с мужем, и это меня успокаивало. Муж у нее, хрупкой и бледной, как цветочная фея, был здоровым таким дядечкой, массивным, уже лысым и от того смотревшимся особенно угрожающе. Уж он-то сможет ее защитить! Но будет лучше, если переговоры проведу я, а не Артем.

Осмотрев квартиру, мы вернулись в гостиную. Он был там – «Февраль», тот самый шар, который благополучно унес их из снежной Москвы непонятно куда. Этот тоже был потрясающе красивым, но не как «Январь», а по-другому: если «Январь» поражал благородной красотой драгоценности, то «Февраль» был каким-то на удивление уютным. Наверно, поэтому Оля и выбрала его, хотя чувствовалось, что для их семейного бюджета его цена – не мелочь. Но она упомянула, что ей важно найти особенную игрушку, чтобы запомнить тот год, когда их уже было трое – хотя пополнение еще не появилось на свет и упорно дожидалось весны.

Большой шар был полностью обшит мягко мерцающим бисером. На серебристом фоне яркими красными пятнами пылали стилизованные рождественские узоры – олени, елочки и домики. Казалось, что этот шарик был просто создан для одной из тех идеальных елок, которые ты видишь на новогодних открытках. До него так и хотелось дотронуться, почувствовать кожей его гладкую ребристую поверхность.

Оля с мужем и дотронулись, а дальше – сюрприз.
– Готова? – спросил Артем, подходя к елке.

– Они там хоть не в жерло вулкана провалились?

– Нет. Но близко.

– Чего?!

– Сейчас сама все увидишь!

Легко ему говорить! Он-то знает, что происходит, да и вообще колдун. А я хожу с ним, как безумная Снегурочка: все в том же платье-шубке и шапке. А что делать? Я в таком виде пришла на работу, а бежать в квартиру переодеваться у меня не было времени.

Так и не дождавшись от Артема объяснений, я тяжело вздохнула и дотронулась до серебристо-красного шарика.

На этот раз чувство падения меня не шокировало. Не скажу, что мне это понравилось, но я, по крайней мере, знала, что не схожу с ума и не лечу через всю планету. Правда, я опасалась, что разобьюсь – если там действительно жерло вулкана или что похуже. Однако все оказалось не так экстремально: мой полет завершился падением в мягкий пушистый снег.

На сей раз это был настоящий снег, несъедобный. То есть, его можно было есть, никто не запретит, но потом мне, взрослой тетке, пришлось бы долго объяснять врачу, почему мое горло в аварийном состоянии. Так что ничего я есть не стала, поднялась, отряхнулась и пожаловалась стоящему рядом Артему:

– Мне холодно!

Моя шубка была шубкой очень условно, сделана она была

далеко не из натурального меха. Предполагалось, что Снегурочке и такая сойдет, барышня сделана изо льда, ее мороз особо не беспокоит. Но я-то теплокровная, и таковой мне хочется остаться!

Артем не удосужился ответить, он просто раскопал снег и достал оттуда длинную горнолыжную куртку – светло-голубую и, что удивительно, моего размера. Я подозрительно присмотрелась к разрытому снегу, опасаясь увидеть там не слишком удачливого альпиниста, предыдущего обладателя этой куртки. Но когда Артем точно так же достал куртку для себя, я успокоилась.

– Альтернативный вариант шопинга, – хмыкнула я.

– Это кластерный мир, он подстраивается под потребности гостей.

Теперь, когда отпал риск пополнить собой число сугробов, я наконец огляделась по сторонам. Мы оказались высоко-высоко в горах – почти как в кавказском тосте. Мы стояли на пологом склоне, а со всех сторон нас окружали заснеженные вершины. Снег сиял так ярко, что я невольно прищурилась, завидуя Артему с его зеркальными очками.

Воздух здесь был удивительно чистым, прозрачным, и очень холодным, под ногами я чувствовала настоящий скрипучий снег. Вроде как это должно было удивить меня меньше, чем шоколадные белки, но... Сладкий мир был маленьким и откровенно искусственным. А здесь я видела перед собой горы и не понимала, как можно было запихнуть все

это в маленький, расшитый бисером шарик.

В горах был лишь один признак цивилизации – прильнувшее к склону здание, расположенное чуть выше. Вокруг нас я не видела никаких следов семейства Зомкис, но они тут уже несколько часов, ветер бы успел все замести. Они могли отправиться только к этому зданию, больше некуда, и нам предстояло идти за ними.

– Так что это за мир? – полюбопытствовала я. Идти по склону оказалось несложно, а мои сапожки справлялись со спасением меня от холода лучше, чем я ожидала. – Кто заказал его?

– Ведьма, – коротко ответил Артем. – Не спрашивай меня ни о чем.

– Почему?

– Потому что в этом мире нужно как можно меньше говорить.

Его голос звучал странно, сдавленно, как будто он и правда не хотел разговаривать со мной, но просто не мог удержаться. Естественно, это заинтриговало меня, и теперь я просто обязана была спросить:

– Что не так с этим миром? Тут ведь есть подвох, не так ли?

Артем повернулся ко мне, и я не сомневалась, что под очками сейчас скрыт укоризненный взгляд.

– Есть. Этот мир создавался как частный горнолыжный курорт, но с секретом. Его заказала мне ведьма, которая уже

год не может помириться со своими сестрами. Она планировала пригласить их сюда, чтобы избавиться от старых разногласий и честно поговорить по душам.

Он рассказывал охотней, чем обычно, сообщал детали, о которых я не спрашивала – словом, всеми силами старался отвлечь меня от упомянутого им секрета. И он надеялся, что этот трюк сработает? Наивный!

– Что за секрет, Артем?

– В этом мире можно говорить только правду, – вымученно произнес он. – Теперь довольна? Узнала, поздравляю.

– То есть, здесь никто не может соврать? – поразилась я. – Вообще-вообще? Ни словом?

– Да, и на любой вопрос придется ответить, причем честно.

Я, естественно, тут же попыталась соврать. Придумать банальную ложь несложно – сказать, что я не верю ему, что он псих, что никаких кластерных миров не существует, а все это – какой-то дурацкий галлюциногенный сон. Я даже подобрала слова, старательно составила из них предложения, открыла рот и – не произнесла ни звука. Мое горло будто онемело, голосовые связки отказывались мне подчиняться.

Это должно было шокировать меня, а вместо этого привело в восторг. Нет, я, конечно, понимала, что раз правило распространяется и на меня, то я тоже с готовностью выдам свои секреты. Но думала я лишь о том, что теперь-то Артем не сможет отмалчиваться!

– Зачем ведьме понадобился такой мир?

– Ради того, о чем я и говорил: для примирения с сестрами. После смерти матери они никак не могли поговорить открыто. Они не ссорились, были очень милы друг с другом при встрече, но это была одна большая ложь. Они следовали правилам этикета, напрочь позабыв об искренности. Моя заказчица чувствовала, что за показательными любезностями она просто теряет семью. Ей важно было вернуть то доверие, что существовало между ней и сестрами в прошлом. Я понял это, вот и согласился помочь ей, хотя обычно такого не делаю.

– Но ее сестры не знали об этом?

– Не знали бы до последнего.

Хороший подарочек! Ты приезжаешь потусоваться на горнолыжный курорт, а тебе душу выворачивают наизнанку! Но, с другой стороны, можно ли лгать вечно? Обманывать близких людей, бегать от них и от себя? Может, иногда в жизни как раз и нужна такая честность?

Я слишком хорошо знала, что может сотворить ложь, и от этих воспоминаний становилось больно. Чтобы отвлечься, я снова начала приставать к Артему. А чего он хотел? Пусть считает меня кармическим наказанием за свой косяк с «Новогодней коллекцией»!

– Слушай, так Артем – твое настоящее имя или нет?

– Нет, – буркнул он. – Это мое имя для внешнего мира, мира людей. При рождении меня называли не так. Прекрати,

это некрасиво.

– Что – некрасиво? Я тебе сразу сказала свое имя, честно – Александра Третьякова. Можно Саша, но это ты и так знаешь. Я помогаю тебе исправить твою ошибку, распотрошила ради тебя клиентскую базу и быстренько стала техником по записям камер наблюдения. Я могу за это хотя бы узнать твое настоящее имя?

– Нет, в твоих рассуждениях нет логики.

– Тогда пойдем простым путем: как тебя зовут?

Ему настолько не хотелось говорить этого, что если бы гора оставляла ему хотя бы шанс соврать или отмолчаться, он бы сделал это именно сейчас. Но, похоже, даже создатель февральского мира не был защищен от его воздействия. Страдальчески поморщившись, Артем сообщил:

– Шенмейтар Арма. Теперь ты довольна?

– Ага, – честно ответила я. – Солидно звучит, больше подходит колдуну, чем «Артем»!

– Над логикой тебе все-таки нужно поработать.

– Да ладно тебе, не занудничай! А как тебя зовут близкие? Я же не думаю, что к тебе обращаются господин Шенмейтар!

– Лорд Шенмейтар, вообще-то, – без тени улыбки отозвался он. – Но это не близкие, это все остальные. Близкие зовут меня Шен.

– Шен? Очень мило, мне нравится! Щеночком в детстве не дразнили?

– Я занимаю в своей семье и в магическом мире достаточ-

но высокое положение. Меня некому дразнить.

– То есть, я стану первой?

– Не станешь.

Тут он прав, дразнить его я не собиралась. Я просто испытывала границы дозволенного, мне нужно было разобраться, как с ним общаться. Я ведь никогда раньше не сталкивалась с магами! Но Шен – я уже начинала думать о нем именно так – оказался несокрушимой скалой, и мои мелкие нападки разбивались об него, как брызги о камень.

Я собиралась задать ему еще парочку вопросов, когда взглянула наверх, на здание, к которому мы шли, и застыла в изумлении, мгновенно позабыв о своей беседе с Шеном.

Нет, в самом здании не было ничего магического. Очень даже современная коробочка из стекла и бетона – с плоской крышей и огромными, на всю стену окнами. Рядом располагались небольшие домики хозяйственных построек, в которых хранились лыжи и сноуборды, в стороне размещался фуникулер. Словом, это был самый обычный современный курорт.

И возле этого курорта бесновалось чудовище – привет от магического мира! Оно было здоровенным, ростом не меньше двух метров, а то и побольше. Крепкая туша была покрыта длинной белой шерстью, легко сливающейся со снегом, голова оказалась круглой и непропорционально большой, хотя в остальном существо было похоже на человека. Оно металось вдоль окон, стучало в них лапищами и что-то

глухо мычало.

– Мамочки, – пискнула я. Получилось как-то совсем уж несолидно. – Это что, снежный человек?!

– Просто человек, – невозмутимо уточнил Шен.

– А повышенная волосатость тебя не смущает?

– Это не его волосатость.

Этим он меня окончательно запутал, и мне оставалось лишь следовать за ним. Тут уж я предпочла держаться у него за спиной, на случай если этот бигфут, или кто он там, решит напасть; колдун с ним справится, а я – вряд ли.

Но нападать на нас никто не стал. Когда белое существо обернулось к нам, я увидела, что это действительно человек. Из волосатого костюма ростовой куклы торчало несчастное, покрасневшее лицо, которое я уже видела на фотографиях в покинутой московской квартире.

Перед нами стоял муж Оли Зомкис, переодетый то ли медведем, то ли обезьяной, то ли плодом порочной любви этих животных. Сама Оля Зомкис размещалась по ту сторону большого окна, и вид у маленькой беременной женщины был не напуганный, а неожиданно грозный.

– Почему он строит из себя плюшевого мишку? – шепотом спросила я у Шена.

– Похоже, он надел то, что нашел в снегу. Ведьма, заказывавшая этот мир, сказала, что если тут и будут мужчины, то только какие-нибудь аниматоры, и попросила подготовить для них соответствующую одежду.

– Но себе-то ты нашел нормальную куртку!

– Для себя я ее создал. Это все-таки один из моих миров.

Да уж, в скромности ему не откажешь.

Муж Оли сейчас являл собой очень грустного мишку, который смотрел на нас со смесью опасения и надежды.

– Вы кто? – спросил он. – Вы знаете, что происходит?

– Знаем, – кивнул Шен.

Я махнула рукой Оле, возмущенно пыхтевшей за окном:

– Оля, привет! Не хочешь нас впустить? Тут как-то внезапно холодно – кто бы мог такого ожидать от снежной горы, а?

– Она нас не пустит, – тяжело вздохнул обезьяномедведь. – Она хочет убить меня и посадить на кол труп. Или сначала посадить на кол, а потом смотреть, как я погибаю, и зловеще хохотать.

Оля, насколько мне известно, работала учителем музыки. Судя по откровениям ее мужа, педагоги уже не те.

Беременная дама скрутила пальцами неприличный жест, непрозрачно намекая, что никого она к себе не пустит.

– Пусть замерзает! – заявила она. – Подонок!

– Что у вас уже успело произойти? – поразилась я. – Вы на несколько часов оказались черт знает где, но вместо того, чтобы держаться вместе, вы порываетесь покалечить друг друга? Как вас зовут, кстати?

– Алексей. Тут и правда происходит что-то непонятное... Мы были дома, готовились встречать Новый год! Потом Оля

вышла в зал, и стало как-то тихо. Я сначала даже не заметил из-за телевизора, потом позвал ее, захожу в зал, а там – никого!

– Вам не пришло в голову, что она могла уйти из квартиры?

– Она бы меня предупредила, да и не пройдешь к выходу мимо кухни незаметно, а на кухне был я.

Он был растерян, это чувствовалось. Настолько, что пока еще не сообразил: мы слишком спокойны. Видно, пропаша жены и последовавшее перемещение сюда окончательно выбили почву у него из-под ног.

– Я стал искать ее, решил, что, может, она спряталась, – продолжил Алексей. – С тех пор, как она забеременела, она часто всякие странные штуки делает, я уже и не знаю, что ей в следующий раз в голову придет. Короче, я стал осматривать комнату, заглянул за елку, а потом все исчезло!

Ясно с ним все. Похоже, заглядывая за елку, он случайно дотронулся до оплетенного бисером шара и отправился следом за женой.

– Все равно не понимаю, как вы дошли до состояния холодной войны, – покачала головой я.

– Холодной? Да это полноценные боевые действия, и холодного в них только то, что я скоро замерзну насмерть! Оля,пусти меня!

– И не надейся, кобелина! Иди к своим бабам, пусть они тебя греют!

Я начинала понимать, что между ними произошло, но никак не могла в это поверить.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнила я.

– Да что тут отвечать... Мы с Олей, когда бухнулись в снежок, совершенно обалдели. Из нашей квартиры – в какие-то Гималаи!

– Это не Гималаи, я брал за основу Альпы, – поправил Шен.

Я толкнула его локтем в бок, призывая молчать, раз уж врать не получается. Не хватало еще, чтобы они сообразили, кто виноват в их неожиданном путешествии!

– Мы стали обсуждать, что могло случиться, она психанула, стала почему-то винить меня и мои шуточки, – сказал Алексей. – Шуточки? Да какие тут шуточки, когда это я ночь на день научился менять и горы возводить! Короче, она спросила у меня, ничего ли я от нее не скрываю. А я возьми и ляпни, что скрываю!

После того, как она назвала его кобелем, мне уже было понятно, что он от нее скрыл. Но меня их семейные проблемы волновали гораздо меньше, чем то, что ветер усиливался, становился злым и колючим.

– Почему здесь так холодно? – насторожилась я.

– Мир настроен на своих обитателей, – пояснил Шен. – Моя заказчица хотела, чтобы погода испортилась, если они разозлятся. Таким образом, они вынуждены были бы сидеть в доме и говорить.

Но только вместо них здесь мы, и в доме лишь одна из нас. Это плохо: я видела, что Оля уже начала всхлипывать, а над горами появились первые тучи. Беременная женщина и так страшна в гневе, а когда она управляет погодой... лучше и не представлять!

– Оля, пусти нас, – попросила я.

– Только если вы закопаете его в снег!

– Ну что за глупости ты несешь?

– Хочу увидеть его закопанным в снег!

– Ольга, это отец твоего ребенка, – строго указала я.

– А может, не только моего!

Она наконец разрыдалась, и ледяной ветер хлестнул по нам кнутом. Я не удержалась бы на ногах, если бы Шен осторожно не поддержал меня.

– Оля, одумайся, – уговаривала ее я. – Сейчас же Новый год, время простить былое!

– Он и на Новый год мне изменял! Давай, скотина, расскажи! Как ты мне изменял? Когда, с кем?

Вот сейчас ему лучше было бы промолчать – или соврать. Но белоснежный мир не оставил ему выбора. Я видела в глазах Алексея непередаваемую тоску: он и сам не понимал, что происходит, но трудолюбиво выволакивал из шкафов грязное белье.

– Первый раз был где-то через месяц после того, как мы с тобой начали встречаться, – отрапортовал он, как старательный школьник. Мне захотелось отвесить ему подзатыльник,

но большого смысла в этом не было, пока его голову закрывала плюшевая махина. – Ты ж была гордой, и мне это нравилось, а секса хотелось, а тут оказия появилась...

– Как ты сказал?! – взвизгнула Оля. – Оказия?!

Ну, теперь мы знаем победителя в номинации «Самый неудачный выбор слов года».

– Да я даже имя ее не помню! – оправдывался Алексей. – Встретились бы на улице – не узнал бы! Ей хотелось, мне хотелось, мы оба были почти свободны...

– У тебя была я!

– Котя, я ведь тогда не знал, что все так серьезно!

– Не знал?!

Ясное небо, лишенное солнца, покрылось свинцовыми тучами. Этот комок искусственного меха не упрощал жизнь не только себе, но и нам.

– Сколько их всего было, этих измен?! – допытывалась Оля.

– Всего три, золотце!

– Всего?! Я тебя сейчас убью!

Она даже не подозревала, насколько пророческими могли стать ее слова: на нас полетели первые колючие снежинки.

– Да вторая была такая же, как первая! Помнишь, мы коттедж снимали, когда был день рождения у Ваньки? Я тебя пригласил, а ты сама ехать не захотела!

– Потому что Ванька твой – пошляк и извращенец!

– Это да, – с готовностью согласился Алексей. – Он и до-

казал это, когда девочек пригласил.

Ну а если он угощает, что мне, не попробовать было?

Я устало закрыла лицо рукой. Какой балбес, мамочки... И ладно бы у них тут было обычное выяснение отношений, так нет же! Беременную Олю надежно укрывало здание, а на нас уже образовывалась снежно-ледяная шапка. Я раздраженно смахнула ее, пытаюсь очиститься, но результат был так себе: ветер налетал со всех сторон.

– Ты можешь что-нибудь изменить? – спросила я у Шена. – Ты же все это создал!

– Это уже законченный мир, я не могу его глобально перекрыть. Супер... Куртку он себе сделать может, а спасти нас от смерти – нет.

– День рождения Ваньки был, когда мы готовились к свадьбе! – вспомнила Оля. – Поверить не могу!

– Свадьба – серьезное дело, я волновался, мне нужно было снять стресс.

Я ни на секунду не забывала, что гора не позволяет ему лгать. Получается, Алешенька действительно верил в это. Мол, вообще изменять невесте нельзя, но если очень надо, то можно. Так, получается?

Тут он задел меня за живое. Но разбираться с этим клоуном мне не хотелось, он и так получал свое, поэтому я гневно посмотрела на Шена.

– Ты тоже так делаешь?!

– Что делаю? – смутился он.

– Изменяешь направо и налево!

– Мне некому изменять.

– А если бы было – делал бы? А потом находил этому дурацкие оправдания?

– Не считаю нужным обсуждать бредовые гипотетические ситуации. Лучше поговори с ней, ты ведь тоже женщина.

– И что? Все женщины мира связаны на уровне матрицы?

Вокруг нас выла, наслаждаясь неожиданным дебютом, полноценная снежная буря. Она волнами налетала на здание, билась о кабинки фуникулера, с детской радостью закапывала маленькие деревянные постройки. В горном мире вроде как продолжался день, но мы погрузились в штормовые сумерки.

– Когда была третья измена? – пророкотала Оля.

– Ты ведь уже знаешь, что на прошлый Новый год.

У Алексея было такое выражение лица, будто он только что сунул голову под лезвие гильотины. Что ж, он был недалек от истины.

– С кем?

– Со стажеркой нашей, Нинкой... Оля, да она нимфоманка была! Сама на меня кинулась, а я уже пьяный был, мы еще в таком ресторане праздновали... Короче, я и сам не понял, как это случилось!

Слушайте, а как ладно у него все получается, а? Сначала он переспал с безымянной звездой, потому что еще не определился, серьезные у него намерения в отношении Оли или

не очень. Потом у него стресс, да и вообще, бесплатной проституткой угостили, кто ж от такого отказывается! А дальше на него напала нимфоманка и коварно изнасиловала бедного маленького двухметрового Лешеньку.

Короче, под конец его исповеди я была готова убивать, да и Оля тоже. Ветер завывал вокруг нас раненым зверем, снег в воздухе превращался в лед.

– Слушай, а курорт этот может рухнуть? – опасливо поинтересовалась я.

– Само здание – нет, ни в коем случае, – отозвался Шен. – Оно вынесет любые удары стихии. Но у нас не такое завидное положение, предполагалось, что в момент бурана все будут внутри.

– А мы не можем вывести их отсюда силой?

– Нежелательно, да и вообще, пусть помирятся. Они семья, у них ребенок, зачем все рушить?

Этими словами он застал меня врасплох.

– Ты издеваешься? Он с тремя бабами спал, пока с ней встречался, он даже право оправдаться не заслужил!

– У каждого есть шанс на вторую попытку. В этой семье все было бы нормально, если бы не моя ошибка.

– В этой семье уже все ненормально! Давай просто заберемен отсюда Олю и оставим его здесь, пускай исчезает с этим миром!

– Ты на самом деле так не думаешь, не настолько ты кровожадная, – слабо улыбнулся Шен.

– Оправдывать его я не буду. Но я считаю, что из каждой ситуации нужно извлекать лучшее. Эта гора не была создана для таких откровений, она должна была принять совершенно другую семью. Но раз уж здесь оказались эти двое и все открылось, пусть попробуют очистить свои отношения от того, что было, и начать с чистого листа.

Я сильно сомневалась, что такое возможно. Жалкие попытки Алексея оправдаться переплетались с моими собственными печальными воспоминаниями, и я была убеждена: он неисправим. Все, гиблый случай, пора подавать на развод и алименты!

Но тут Алексей удивил меня. Не отступая от стекла, он крикнул:

– Оля, ну прости меня! Мне правда жаль, что так вышло. Про первую бабу я не жалею, потому что я тогда не знал тебя настоящую, не думал, что ты – моя половинка. Вторая... да я даже не воспринимал ее как измену. Мне сейчас стыдно за это, но тогда я не думал о ней как о женщине. Она была... ну вроде как... развлечение.

– Это человек для тебя – развлечение?!

– Ты хотела честности – и я говорю с тобой честно. Я тогда был не в себе, боялся, что ошибаюсь, что мне еще рано жениться. Но с тех пор я понял, каким лохом был, не ценил то, что мне досталось. Ну что Ванька со своими телками? Так и тусит – и будет тусить до старости. Никого он не найдет, потому что не ищет. А у меня есть ты и наша девочка! Тот про-

шлый Новый год... не знаю я, как это произошло, клянусь, не знаю! Мне так стыдно было... Я не решился сказать тебе, потому что боялся, что ты бросишь меня! Я больше смерти боюсь тебя потерять. Но после того раза я понял, что в жизни больше не коснусь другой ба... другой женщины. Оля, я люблю тебя!

– Врешь!

Я бы на ее месте тоже думала, что он врет, слишком уж стандартный набор отмазок он составил. Но я-то была на своем месте и знала, что в этом мире невозможно врать.

Он и правда любил ее. Я понимала это с горько-сладкой смесью радости и грусти.

Радовалась я за них, а грусть... это уже мое, личное, к ним не относящееся.

Знала бы она, что он впервые в жизни оказался на территории, очищенной от лжи, и теперь отдавал ей правду, мучительно вырывал из самого сердца, и ему было нелегко – потому что есть мужчины, которые просто не умеют говорить о своих чувствах. Но он пересиливал себя, заставлял, чтобы не потерять ее.

Да, они могли бы разойтись, но тогда это были бы три несчастных человека – мужчина, женщина и ребенок. Получается, Шен прав? Можно все-таки стереть прошлое, отбелить его, начать с чистого листа? Пожалуй, можно, но только один раз. У кого-то получается, у кого-то – нет, но глядя на этих двоих, я не сомневалась, что у них получится.

Жаль только, что Оля этого не замечала, она перла в наступление разъяренным быком.

Очень маленьким, разгневанным беременным быком.

– Езжай обратно к маме, знать тебя не желаю!

Так, с этим нужно было заканчивать. Она-то злилась, пусть и справедливо, из теплого уютного дома. А я наблюда-ла за этим красная от холода, продрогшая, с обледеневшим помпоном на шапочке. Да и вообще, времени оставалось все меньше, Шену еще нужно спасти десять других миров, а он застрял здесь!

Поэтому я решительно подошла к стеклу и спросила:

– А что, ты никогда не сомневалась? Не думала о том, правильный ли выбор делаешь, не засматривалась на других мужчин?

Вот тут уже соврать захотелось Оле, и теперь она почувствовала на себе непреодолимую силу горы. На ее покрасневшем от слез личике ярость сменялась удивлением, а удивление – испугом.

– Я... да! – не выдержала она. – Да, сомневалась, и подруга хотела познакомить меня со своим братом, когда узнала, что я выхожу замуж за тебя!

– Это Светка, что ли? – нахмурился Алексей. – Да она ж кривая, и брат у нее, наверно, такой!

– Да какая разница, какая она и ее брат? Хоть бы она меня с принцем познакомила, плевать!

Я ведь уже тогда тебя любила, а ты мне изменял!

Я не позволила ей снова соскочить на гордый образ прокурора:

– Ну а сейчас ты его любишь? Или уже прошло?

– Люблю, конечно! – всхлипнула Оля.

– И он тебя любит.

– Он врет!

– Да не врет он, гарантирую, – отрезала я.

– А ты откуда знаешь?

– Ты еще не поняла? Это из-за меня вы тут, так что я разбираюсь в том, что здесь происходит!

Я прекрасно понимала, что они поймут меня неправильно, решат, что это я волшебница или вообще Снегурочка. Но какая разница? Я-то сказала правду, так что гора мне это позволила, а что они там навоображают – не мое дело.

– Вы действительно стали красивой парой и замечательной семьей, – продолжила я. – Да, он виноват перед тобой, и я не отрицаю, что за свои прошлые подвиги он заслуживает почетное звание козлины. Зато он научился ценить тебя и теперь уже не бросит!

– Верно, – поспешно закивал Алексей, да так активно, что с него чуть не свалилась плюшевая голова. – Вот точно, не брошу!

Она понемногу начинала верить, и шторм успокаивался, но, увы, слишком поздно. Яростный порыв ветра снова хлестнул по горе – и она не выдержала. Откуда-то сверху, с острого пика, белым шарфом соскользнула лавина.

Оля тоже заметила ее.

– Лешенька! – ойкнула она.

Мгновенно сообразив, что добраться до двери ни он, ни она уже не успеют, Оля распахнула большое окно и втянула отца своего ребенка под защиту здания. Втянула здорового мужика в плюшевом костюме, да. Беременность творит чудеса.

Мне повезло не так, как Леше, меня никто никуда втаскивать не собирался, да и стояла я на самом углу. До меня вдруг дошло, что я могу умереть прямо сейчас – в настоящем мире под настоящим снегом. Кого-то другого это сподвигло бы на подвиги, а я замерла на месте, как перепуганный барашек.

И вот тут судьба решила сжалиться надо мной, подбросив мне Шена. Точнее, он сам подбросился – ровно между мной и лавиной. Снег накрыл нас обоих и должен был перетереть в крошку, но этого почему-то не случилось. Вокруг меня было темно, что-то жужжало и гудело, и стонало, и громыхало, но сама я оставалась невредима. Я слушала голос лавины, застыв от ужаса, но чувствовала не ее сокрушительную мощь, а только две сильные руки, поддерживавшие меня.

Все это длилось целую вечность, никак не меньше, прежде чем шум наконец утих. Я обнаружила, что лежу под снегом – но не на убийственной глубине, а у самой поверхности, припорошенная легким белым пухом, живая, невредимая и даже не замерзшая.

Выбравшись, я увидела, что все закончилось. Лавина снесла нас вниз, почти к подножию горы, а потом исчезла вместе с бурей. Возле курорта, теперь бесконечно далекого, мельтешили две точки – Оля и Алексей, видно, озаботились нашей судьбой. То, что они держались рядом, означало, что она передумала убивать супруга.

Шен тоже был здесь – и ему тоже повезло. Он стоял на одном колене в паре шагов от меня и деловито искал что-то в снегу. Даже обидно: мог бы поинтересоваться, как у меня дела!

– Мы выжили, – гордо объявила я. – А они, похоже, помирились. Что с ними будет дальше?

Ведь они теперь тоже знают про магический мир!

– Собственно, про магический мир они как раз не знают, – возразил Шен. – Они только сейчас закончили выяснять отношения и у них появились предсказуемые вопросы.

– И ты им ответишь?

– Нет. Я верну их во внешний мир и сотру им память. Опаньки... Вот такого поворота я не ожидала!

– Ты что, умеешь это делать?!

– У меня есть подходящий артефакт.

– То есть, и мою память ты можешь стереть? – ужаснулась я.

Не то чтобы я так отчаянно держалась за знания о магическом мире, просто мне претила мысль, что кто-то будет копаться у меня в голове. Вот уж нет!

Однако ответ Шена меня успокоил:

– Нет, твою стирать уже поздно, ты слишком много знаешь. Попытка стереть так много может непоправимо повредить головной мозг. А эти двое не знают почти ничего, для них риска нет.

– Получается, они забудут все, что здесь было? – разочарованно протянула я. Значит, Алексей снова будет хранить в себе ложь и стыд, а Оля так и не узнает, что он сделал! Где здесь тогда вторая попытка и чистый лист?

– Не забудут. Они будут помнить этот разговор, но считать, что он произошел у них дома, пока они готовились к Новому году, – пояснил Шен. Он переместился на несколько шагов в сторону, продолжая раскапывать красными от холода пальцами жесткий снег.

Я с любопытством подошла ближе и обнаружила, что его глаза закрыты. Он полагался только на осязание, но его руки казались такими болезненно обмороженными, что они вряд ли что-то чувствовали.

– Ты что делаешь?

– Очки ищу.

Его очки и искать было не нужно – они, как ни странно, валялись на поверхности метрах в пяти от него. Ему достаточно было один раз открыть глаза, чтобы увидеть их!

– Да вот же они!

– Где? – оживился он. – Дай мне их, пожалуйста.

– Они прямо перед тобой, посмотри – и увидишь.

– Я не могу открыть глаза. Саша, дай мне, пожалуйста, очки, – повторил он. – Я без них ничего не вижу.

Какое интересное открытие... Я подошла к очкам, подняла их, отряхивая от снега, но отдавать ему не спешила. Очки казались самыми обычными, от известного мне бренда. Дорогущие, как и его часы!

– Они что, магические? – поинтересовалась я, примеряя очки.

– Обычные, но они мне нужны. Теперь отдай.

– Зачем они тебе нужны? Что с твоими глазами?

Он пытался отмолчаться. Он боролся с собственной магией, лишь бы не говорить мне правду! Ему снова было мучительно тяжело, я видела это по его лицу, и мне даже стало неловко, но отступать было некуда.

Гора победила.

– Десять лет назад я получил серьезную травму глаз. Мой клан не только создает артефакты, мы изобретаем их. Я тогда едва стал полноправным магом, перестал повторять известные заклинания и начал разрабатывать свои собственные. Не рассчитал энергию, перемудрил с зельями – так бывает. Только для кого-то это оборачивается безобидной порчей имущества, а для кого-то – выжженными глазами.

– Но ты же видишь, – еле слышно произнесла я. Очки в моих руках вдруг показались мне бесконечно тяжелыми. Хотелось бросить их в снег и сделать вид, что я их вообще не находила, но он-то знает, что они уже у меня.

– Да, магия сильна: то, что осталось от моих глаз, кое-как восстановили. Но даже магия не всеильна – я не переношу яркий свет ни в каком проявлении. От этого спасают самые обычные очки, так что все не так уж страшно.

Я вдруг разозлилась на него. Не знаю, почему, но меня жутко задело то, что он рисковал собой так глупо. Он мог остановить лавину и создать целый мир, однако его делала беззащитным такая простая штука, как упавшие в снег очки!

– Тебе нельзя было отправляться на такое опасное задание без напарника! – возмутилась я.

– О чем ты только думал?

– О том, что у меня нет и не может быть напарника. Никто в моем клане не знает о том, что случилось с «Новогодней коллекцией».

– Как это?

– А вот так. Правда известна лишь мне и моим подчиненным. Но они слишком слабы, чтобы что-то исправить, они только портить умеют, а я несу ответственность за жизни людей. Если бы я попросил клан о помощи, меня могли наказать, лишив самой возможности колдовать в будущем. А кто я буду без магии? Просто калека?

– Но ты же можешь погибнуть!

Он резко, зло поднял голову и наконец посмотрел на меня. Я в ужасе отшатнулась: мне почему-то казалось, что его глаза, пусть и покалеченные, все равно будут обычными. Ну, или закрытыми бельмами, на крайний случай. А вместо это-

го я увидела что-то странное: узкие, едва различимые зрачки на исчерченном красными и белыми пятнами глазном яблоке. Полноценных белка и радужки у него не было, только эти жуткие кровавые переливы.

Взгляд был страшный, завораживающий, но длился он всего секунду. Потом Шен не удержался, болезненно вскрикнул: снег слепил его сильнее света, он и меня слепил. Маг упал на оба колена, прикрывая глаза рукой.

– Да я уж лучше погибну, чем буду просто жить вот так, – тихо, но твердо сказал он.

Теперь мне было дико, чудовищно стыдно. Что за демонстрацию я устроила? Мне нужно было сначала отдать ему очки, а потом уже начинать тут допрос с пристрастием! А я заставила его чувствовать себя уязвимым, воспользовалась тем, что он не может промолчать или соврать мне из-за горы. Вот ведь безмозглое создание! Но я совсем не того хотела...

Получив пинок от собственной совести, я опустила на землю перед Шеном, осторожно надела на него очки, а потом перехватила его руки, замерзшие в снегу, чтобы согреть в своих руках. Мне хотелось хоть как-то искупить свою вину перед ним.

– Я даже не знаю слов, которые могли бы выразить, как мне жаль, – признала я.

Он не смотрел на меня. Он и руки попытался одернуть, но я держала крепко – ему нужно было тепло.

– Не стоит в спешном порядке увеличивать словарный за-

пас, – усмехнулся Шен. – Извинение принято, расстанемся без обид. Сейчас вернем примирившуюся парочку, закопавшую топоры войны, домой, я поколдую над их памятью, а потом провожу тебя. Список у меня есть, больше я тебя беспокоить не буду.

Список он, по большому счету, добыл сам. Я бы не смогла назвать ему все имена, но он неплохо разбирался с поисковыми программами – подозреваю, что незаконными, а может, и нечеловеческими. Теперь он знал, где находятся все елочные игрушки, когда они были куплены, и нужно было просто забрать их.

Ну а мне полагалось вернуться домой. Еще недавно я этого хотела: я устала, замерзла, меня чуть не похоронила лавина. Говорят ведь, что как Новый год встретишь, так его и проведешь – и я не хотела проводить его *вот так!*

Но за считанные минуты все изменилось. Я не столько поняла, сколько почувствовала, где должна быть. Пусть и в дурацком костюме Снегурочки, пусть и с угрюмым колдуном, который вне зачарованной горы перестанет раскрывать мне свои секреты. Плевать! Мне нужно дойти до конца, ведь не зря же «Новогодняя коллекция» оказалась у меня. Может, это знак? Но пойми тут, какой... вот и разберись!

Глядя на Шена, застывшего на фоне этой искристой белизны, как будто беспомощного среди древних гор, я знала, что не должна бросать его одного в этой странной партизанской войне, или шпионской миссии, или чем он там занима-

ется.

– Зомкисов вернем домой, – кивнула я. – Пусть придумывают имя дочке под тазик оливье.

А меня провожать пока не надо, я иду с тобой.

– Исключено, – отмахнулся Шен. – Это опасно!

– Жить вообще опасно. Вдруг я сейчас домой приду – а в окно петарда залетит! Класса «земля-воздух-квартирка». Нет уж, я лучше побуду за спиной колдуна, создающего миры. Если что, прикроюсь тобой! Что я теряю? А то, что Новый год пропущу, так это ерунда – я его все равно не люблю!

Глава 3. Бойся марта месяца

Елка в квартире семейства Зомкис была самая обычная: неряшливо пушистая, собравшая на себе все украшения, какие нашлись в доме, криво завешанная гирляндами, но от всего этого какая-то особенно живая и душевная. Теперь же я наблюдала перед собой идеальный новогодний интерьер.

Наверняка все это подбирал модный дорогой дизайнер – из тех существ непонятно какого пола, которые носят очки в массивной черной оправе и досадливо кривятся, если человек одет как человек, а не как пришелец с Юпитера. Так вот, этот дизайнер любезно препроводил Новый год в двадцать первый, если уж сразу не в двадцать второй век (чтоб два раза не вставать). Он обвил лестницу холодными синими и белыми гирляндами со светодиодной подсветкой. Он расставил в комнатах и коридорах новаторские треугольные елки – красные, черные, фиолетовые, какие угодно, только не зеленые. Каждая такая елка была украшена одинаковыми круглыми шариками в тон ей, которые, конечно же, совершенно сливались с ней. То тут, то там попадались световые фигуры сказочных персонажей, но не нормальные, как хотелось бы, а выполненные непонятно в каком стиле. Кубический эльф. Абстрактная Баба Яга. Черно-белый графический Дед Мороз, заметно постройневший – видимо, ЗОЖник и веган.

Жуть, короче. Кто-то за немалые деньги потоптался по

всем новогодним фантазиям моего детства.

– Ты говорил, что ты тоже вроде как из богатой семьи, – сказала я. Дом был настолько огромным, что я ожидала услышать, как мой голос подхватывает эхо. Но нет, обошлось без этого, слова разлетелись только по комнате.

– Допустим.

Как и следовало ожидать, избавившись от воздействия горы, Шен стал не таким разговорчивым. Но он уже не пытался прогнать меня, и это я считала своим главным достижением.

– И у тебя тоже такой кондовый дворец, где от новогодних украшений хочется бежать?

– У меня нормальная резиденция, а новогодних украшений там вообще нет.

– Почему?

– Потому что они мне не нужны.

Мы с ним продолжали домушничать. Честно говоря, сюда я приходила боялась, ожидая, что мы вляпаемся или в охрану, или в прислугу, или в сигнализацию. Но охрана была только у въезда в элитный коттеджный поселок, и мы ее легко миновали, прислуги здесь не оказалось, а сигнализация не работала – видимо, ее отключил сам хозяин. Он был внутри до последнего, когда мы вошли, в комнатах горел свет, играла мягкая музыка, на столе стояла открытая бутылка вина, и среди всего этого – ни души, только изуродованные дизайнерской мыслью Щелкунчики хохочут. Несложно было догадаться, что елочная игрушка уже сделала свое черное дело,

и нам оставалось только найти ее.

У этого шарика была самая любопытная история. Его покупательницей значилась некая Мария Костюшина, но она на проверку оказалась президентом фан-клуба звезды местного и международного хоккея Андрея Волкова. И это важно, потому что именно к нему переключал шарик.

Такой вот подарок фан-клуб решил сделать своему кумиру в честь Нового года. Волков, в отличие от своих коллег, не славился бурной личной и публичной жизнью. Он шараялся от журналистов, как черт от ладана, и крайне редко общался с фанатами. Поэтому Костюшина и ее сестры по разуму решили сделать ход конем, а точнее, шариком: они выманили Волкова на встречу подарками. Полагаю, каждая из фанаток в глубине души надеялась, что хоккеисту потребуется всего один взгляд на нее, чтобы понять: святые угодники, да это же она! Женщина, которую он ждал всю жизнь! Он тут же влюбится, сделает ей предложение и увезет в Ниццу.

Волков дисциплинированно приехал на встречу, принял подарки, подписал автографы, на всех посмотрел, но ни перед кем не рухнул на колени. Ниццы тоже не было, он отправился в свой загородный дом, и было это два дня назад. Но тогда шарик был безобидной безделушкой, а теперь успел куда-то утащить своего обладателя.

– А что это будет за мир? – полюбопытствовала я, когда мы осматривали огромные комнаты и бесконечные лабиринты коридоров.

Волков жил один и Новый год планировал встречать в одиночестве – среди стерильной, чуть ли не больничной чистоты и дизайнерских елок, с бокалом вина, без пышного застолья. Странный все-таки тип!

– Понятия не имею, – невозмутимо ответил Шен.

– Как это? Разве не ты его создал?

– Я.

– И что там будет?

– Не знаю.

Как же мне иногда не хватает той горы из февральского мира!

– Пояснить не хочешь?

– Не хочу, но поясню, ведь ты иначе не отстанешь, – вздохнул он. – Одна колдунья заказала эту игрушку для себя. Она вроде как дала себе установку: изменить жизнь с Нового года, а для этого ей нужно было избавиться от страхов. Поэтому «Март» устроен так, что он находит в глубине души затаенные страхи и на их основе создает мини-мир.

– То есть, если я влезу в эту игрушку, я увижу свои страхи? – насторожилась я.

– Уже нет. Мир создается по страхам первого, кто туда попал, все остальные будут лишь гостями.

Да уж... С одной стороны, хорошо, что эта игрушка досталась здоровому сильному спортсмену, а не какой-нибудь беременной Оле. А с другой, Волкова тоже жалко. Человек надеялся провести праздник в тишине и покое, случайно кос-

нулся подаренной игрушки – и пожалуйста, маршируй со страхами бороться.

И все-таки любопытно, чего может бояться такой верзила?

Мы продолжили осмотр дома, и за одной из дверей меня ждал сюрприз – библиотека! Вот чего-чего, а библиотеки я здесь точно не ожидала. Причем она оказалась неожиданно уютной, совершенно не подходящей этому дому. Книги здесь были расставлены не по размеру и цвету обложек, а по содержанию, заботливо, и чувствовалось, что все их читают и будут читать. Тут же, на стенах, были развешаны награды Волкова, подарки от друзей и поклонников. В углу обнаружился шикарный камин с приставленным к нему креслом, рядом с креслом – столик с лампой под тканевым абажуром и совершенно очаровательная елочка, совсем не дизайнерская, но при этом увешанная такими крошечными игрушками, что «Марта» среди них быть не могло. В камине все еще тлели угли, так что печальная судьба постигла Волкова совсем недавно.

А над камином на широкой полке разместилась новая партия сувениров, среди которых был и тот, который мы искали.

Бинго.

– Шен! – позвала я. – Кажется, я нашла кроличью нору!

– Когда мы во внешнем мире, называй меня Артем! – прозвучало с первого этажа.

– Твое имя мне слишком дорого досталось, чтобы заменять его подставным!

Не собиралась я его звать Артемом, я упрямая. Ну а кто ему сказал, что с напарником работать легко?

Пока он поднимался в библиотеку, я осматривала шар. Фанатка Волкова явно выбрала его по своему вкусу, нашла, что дарить брутальному хоккеисту! Шар был ярко-желтым и напоминал маленькое пушистое солнышко. Да, именно пушистое, потому что он был со всех сторон украшен линиями меха и аккуратными перышками.

– И это у тебя символ страха такой? – с сомнением поинтересовалась я, когда Шен тоже подошел к камину. – Желтый?

– Очень тревожный цвет, между прочим, – с предельной серьезностью заявил Шен. Я уже начала понимать, что у этого гения был свой взгляд на мир. – Ты не замечала, как много желтого цвета на дорожных знаках? И полицейское ограждение тоже желтое, и желтым рисуют линию границы. Поэтому я взял его за основу, но саму игрушку постарался сделать нестрашной – это ведь все-таки праздничное украшение. А каким, по-твоему, должен быть символ страха?

– Красным, например!

– Красный – цвет страсти и любви, не придумывай.

Хотелось поинтересоваться, что он вообще знает о страсти, проводя жизнь в недрах своей мастерской. Но я решила не провоцировать его, часы показывали, что до нового года

осталось не так много, а мы далеки даже от середины пути.

– Как думаешь, чего он боится? – осторожно осведомилась я.

– Зачем гадать? Сейчас и так узнаем.

Шен первым коснулся желтой игрушки, да и я отстала от него всего на секунду.

Я уже мысленно готовилась в тому, что сейчас будет падение, и все равно инстинктивно сжалась, когда оно началось. Я боялась, что однажды мне не повезет и я бухнусь на какой-нибудь камень, и не спасут мой копчик ни шортики, ни Снегуркина юбочка. Но пока судьба меня жалела, и из пустоты я удачно упала на что-то очень мягкое, мягче даже, чем зефирка в сладком мире.

Андрей Волков был успешным молодым спортсменом. Прожив на свете всего четверть века, он уже стал известен на весь мир. Он не боялся ни боли, ни риска, он уверенно шел вперед, он был тем хоккеистом, которого можно рисовать на мотивационных постерах. Каким должен быть мир страха этого человека? Я представляла себе поглощенный радиацией город, страшные катакомбы, пещеру, полную чудовищ. Место, где ты один на один со стихией, арену сражений...

А попала я в бордель. Нет, может, это и была какая-нибудь галерея современного искусства, я уже ничему не удивлюсь, но выглядело это как бордель. Я валялась на огромной кровати, выполненной в виде гигантских женских губ. Эта штука, конечно, спасла мою брентную тушку от пары синяков, но

большей пошлости я в жизни не видела, и потому поспешила с нее слезть.

Комната была под стать кровати: маленькая, темная, без окон, оклеенная яркими леопардовыми обоями, да еще с гигантским зеркалом на потолке. Чтобы, значит, те, кому вздумается предаться любви на пухлых губах, могли наслаждаться собой. Возможно, делать селфи.

В комнате было две двери, одна вела в темную ванную с джакузи, другая – в узкий коридор, пропахший ядерной смесью самых разных духов. В коридоре не было никого, в комнате находилась только я, и меня крайне интересовал один вопрос: а куда вообще унесло Шена?!

Задерживаться здесь мне не хотелось, этот бордель действовал на меня угнетающе. Что если это дом с привидениями? Очень пошлыми, но все-таки привидениями... Так что я заставила себя двинуться в коридор, хотя понятия не имела, куда он ведет.

Скоро впереди послышалась музыка. Ее источник находился где-то далеко передо мной, но я уже могла разобрать, что это не мистические церковные песнопения, а бодренькая русская попса, такую еще очень любят на тех свадьбах, что по традиции заканчиваются дракой. И не успела я пройти и десяти метров, как к музыке добавилось мерное цоканье – звук чьих-то шагов. Ко мне приближался кто-то материальный (что исключало призраков) на шпильках (что исключало Шена и, надеюсь, Волкова).

Я остановилась, на всякий случай приготовившись к обороне, но это оказалось лишним. С первого взгляда стало понятно, что вышедшая мне навстречу дама была слишком прекрасна, чтобы драться с маленькой жалкой мной.

Ее возраст я угадать не бралась – полной, будто опухшей даме могло быть от сорока до шестидесяти, но вряд ли меньше. От одного взгляда на шпильки, поддерживавшие ее туфли, у меня кружилась голова, а вот она маршировала на них вполне бодро. За туфлями начиналась территория дешевых колготок, обтягивающих плотные колонны ног вплоть до строгой юбки- карандаша. А над юбкой ждал нежданчик: выведенная стразами фраза на английском: «Я твоя грязная горячая штучка». Впрочем, лицо у незнакомки было скорее строгой учительницы, познавшей всю мудрость мира, с привычно изогнутыми недовольной скобкой губами. Подозреваю, о значении надписи она не знала.

Увидев меня, дама тоже остановилась и нервно провела рукой по массивным пластиковым бусам. Бусы были призваны изображать натуральный жемчуг, но жемчужинами такого размера несчастные моллюски поперхнулись бы.

– Ты новенькая? – придирчиво осмотрела меня дама.

– Вроде того. – Я решила не вдаваться в подробности. Я даже не знала, настоящая она или просто часть этого мира! Я не успела спросить у Шена, могут ли в этих мини-мирах быть живые существа.

– Ты ищешь бога?

– Э-э... нет. Я ищу Шена – симпатичный такой мужик лет тридцати...

– Нет! – визгливо прервала меня дама. Бесцветные голубые глаза полыхнули такой яростью, что мне стало не по себе. – Нет мужчин кроме бога!

– Допустим.

Я решила не спорить: ее пухлые пальцы завершались угрожающего размера ногтями.

Довольная моим смирением, дама продолжила:

– Ты можешь искать его здесь, можешь увидеть и посмотреть издалека. Но не смей говорить с ним или касаться его! Он мой!

Я понятия не имела, кто у них тут за бога, однако уже было ясно: это последний, с кем я хотела бы встретиться.

Мы с дамой разминулись: я пропустила ее мимо, прижавшись спиной к стене, и продолжила путь, лишь когда она отдалилась. Я двигалась туда, откуда звучала музыка.

Следующий коридор привел меня к небольшой лесенке, с которой открывался отличный вид на внутренний дворик – квадратную площадку, со всех сторон окруженную стенами темно-серого здания. Оно напоминало мне то ли средневековую таверну, то ли один из тех замков-музеев, которыми гордятся небольшие европейские городки. Ни в том, ни в другом я особо не разбиралась.

Сейчас во дворике шла дискотека. По углам были установлены мощные колонки, из которых дребезжали плохо сриф-

мованные песни о большой и чистой любви. В такт ритму, который у всех песен был примерно одинаковым, извивались на танцполе десятки тел.

Все это были женщины – но какие разные! Крупная крепкая бабулька с кислотно-розовыми волосами, каким-то чудом помещенная в обтягивающее ее мини-платье. Восемнадцатилетняя девчонка в комбинезоне, с заячьими ушками на кучерявой голове. Дородная барышня лет тридцати в ярко-алых сапогах, леопардовой (любят они тут этого зверя) юбке и прозрачной черной кофте, под которой волнами прибоя колыхались и груди, и складки живота. Призрачная дева в бальном платье. Бодрая тетка в спортивном костюме и шлепанцах. Красавица с грудью пятого размера и щедро налитыми ботоксом губами, настолько большими, что они то и дело шлепали ее по носу и подбородку при движении. В общем, кто угодно – но только женщины, ни одного мужчины я в этой толпе не нашла, и мне невольно вспомнились слова «горячей грязной штучки»: у них тут признан только какой-то бог местного разлива.

Найти Шена мне хотелось все больше, я реально начинала за него беспокоиться! К счастью, меня никто не пытался остановить или задержать, здешнему гарему вообще было на меня плевать – в своем костюме Снегурочки я легко терялась среди них. Только они отплясывали под вопли непонятной молодежной группы, а я обыскивала комнаты, надеясь встретить хоть кого-то с XY-хромосомами.

Я обнаружила тут гардеробную, переполненную блестящими платьями, гримерку, зал для стриптиза и спальни, очень много спален. Одни комнаты пустовали, в других я видела только женщин. Ни бога, ни Шена – это уже начинало напрягать!

Обитательницы этого мира по большей части не обращали на меня внимания, но кому-то я все-таки помешала жить. На моем пути стала девица примерно моего возраста, красивая, хоть и подпорченная дешевой косметикой. Из одежды на ней был только черный, закрывающий все, что нужно для относительного приличия, корсет и черные же чулки.

– Очередная провинциальная лохушка? – презрительно поинтересовалась она. – Что ты здесь потеряла?

– Бога не ищу и не претендую, – бодро отрапортовала я, помня предыдущую беседу.

– Да? А я тебе не верю. Его все хотят! Это сейчас ты говоришь, что он тебе не нужен. А потом найдешь его, посмотришь этими своими глазками деревенской дурочки – и станешь конкуренткой!

– Ну, тебе придется поверить мне на слово, что еще остается?

– Как – что? Убрать конкурентку, разумеется! – хищно ухмыльнулась она.

В ее руке сама собой появилась семихвостая плеть: кожаные шнуры, каждый из которых заканчивался массивным металлическим набалдашником. Сразу было ясно, что да-

же одним ударом такой штукой можно изуродовать меня до конца жизни. А она, судя по холодной решительности в глазах, собиралась ударить не раз. Что ей терять, она же не настоящая!

Я уже убедилась, что все эти женщины были частью мини-мира. Как бы вели себя настоящие тетки, попав в такую реальность? Плакали бы, метались, искали выход – в зависимости от характера. А они тут все дружно отплясывали во дворе и делали вид, что так и надо.

Так вот, если здешняя садомазо-иллюзия решила меня покалечить, она не остановится, как остановилась бы настоящая девушка. Поэтому я, не желая испытывать судьбу, просто обратилась в бегство – вот так красиво мне нравится описывать то, что я дала деру.

Я надеялась, что ее нечеловечески высокие ботфорты задержат ее, но нет. Она двигалась за мной со скоростью и грацией разъяренного лося. То и дело ей под ноги попадались другие женщины, более мирные, но она отталкивала их в сторону и гналась за мной. Я в своих удобных сапожках продвигалась медленней, чем она на этих кожаных монстрах!

В общем, я начинала подозревать, что в этом кластере я безвременно закончу свое существование, когда за очередным поворотом открылась дверь, меня втянули в комнату, а потом дверь снова закрылась и щелкнул замок. Судя по грохоту, моя преследовательница не успела этого заметить и с присущей ей яростью пробежала мимо.

Я же оказалась в очередной спальне – на этот раз со стенами и потолком, выкрашенными в красный цвет. Я невольно вспомнила слова Шена о том, что красный – цвет страсти; той же мыслью, наверно, руководствовался оформитель этого интерьера. Но на самом деле это, в сочетании с красным ковром, выглядело так, будто я застряла у кого-то в желудке... или еще менее приятных местах.

В комнате находилась только черная кровать, способная вместить эскадрон гусар. Но гусар не было, и на атласных простынях сидел нервный, измученный Андрей Волков. Ему, похоже, уже досталось в этом мире: джинсы уцелели, а вот мягкий домашний свитер был растянут и частично разорван, всю незащищенную кожу покрывали пятна губной помады, а на шее темнели круглые засосы. На меня хоккеист пока не смотрел, он вообще потерял ко мне интерес после того, как спас.

– Здравсьте, – только и смогла произнести я. Ничего умнее не придумывалось.

Волков бросил на меня тяжелый взгляд человека, который за один день прожил тысячу жизней.

– Да-да, я знаю, я бог и все такое...

– Ни фиги себе у вас в НХЛ теперь звания выдают, – присвистнула я.

– Вы что, меня не боготворите? – поразился он. В серых глазах мелькнула робкая надежда.

– Я, конечно, хоккей люблю, но не до такой степени.

– Так вы нормальный человек? Слава богу!

Сбивчиво и предсказуемо эмоционально, Волков рассказал мне, что с ним случилось – хотя и сам знал не так уж много. Он находился в своем доме один, готовился почитать книгу, потом – поговорить по телефону с родителями и после боя курантов лечь спать, когда мир вокруг него просто исчез. Он, похоже, не запомнил, что коснулся елочной игрушки, а я не стала акцентировать на этом внимание.

Волков будто попал в свой худший кошмар. Он оказался в доме, полном женщин, считающих его богом. Увидев его, одни принимали соблазнительные позы, другие зачем-то начинали рыдать, третьи рассказывали, как они всю жизнь мечтали познакомиться с ним.

Но хуже всего были четвертые. Эти были свято убеждены, что путь к сердцу мужчины не идет через желудок, а пролегал гораздо ниже. Им было плевать, сколько им лет, какой они комплекции, нравятся ли они Волкову. Они не сомневались, что стоит им поцеловать его, и он, как типичный похотливый самец, не устоит.

Мне стало даже жаль его. Читая о Волкове в интернете, я представляла его грубым мужланом, который кровью, потом и выбитыми зубами прокладывает себе путь на вершину мирового хоккея. А передо мной оказался интеллигентный, начитанный, прекрасно образованный мужчина. Коекому (мне) пора прекращать мыслить стереотипами.

Моим первым импульсом было рассказать ему правду –

про желтый шарик, мир страха и волшебство, но я ввремя прикусила язык. Что если за мою откровенность накажут Шена? Волков-то сумеет все понять, раз я поняла, но после этого колдун уже не сможет стереть его память, а подставлять своего напарника мне не хотелось.

Поэтому я задала другой вопрос:

– Если вы так боитесь местных дамочек, почему вы помогли мне?

– Я не знаю, кто населяет этот дом, но они точно не люди – и они все разные. Некоторые вполне безобидны. Я услышал шум погони и решил помочь, мне до чертиков надоело прятаться здесь и ждать непонятно чего.

– А если бы я оказалась очередной влюбленной фанаткой?

– Отбился бы, – пожал плечами Волков. – От целого стада ведь отбился! Вы так и не сказали, как попали сюда.

– Да я тоже не помню, – соврала я. Это ж не февральский мир, врать можно! – Но я была с другом. Мы должны найти его и бежать.

– Возможно, он тут тоже бог. А если и нет, мне-то точно поклоняются, так что я из этой комнаты не выйду.

– И что, проведете здесь всю жизнь? – фыркнула я, не уточняя, что в этом случае его жизнь продлится ровно до второго января. – Почему вы вообще боитесь женщин?

– Я не боюсь женщин.

Это верно, меня он не испугался. Но это же мир его страхов! Короче, странно тут все.

– Вы выглядите напуганным.

Это был выстрел вслепую с моей стороны: Волков смотрелся утомленным и потерявшим интерес к жизни, но никак не напуганным. И все же мне нужно было разобраться в корне его страхов, понять, в чем суть этого мира, и только потом действовать.

Мой слепой выстрел неожиданно попал точно в цель.

– Я не женщин боюсь, а отношений с ними, – неохотно признал Волков. – Я сидел тут и думал: может, это какое-то проклятье? Черное колдовство? Ведь говорят же: чего боишься, то тебя и настигает!

Он даже не представлял, насколько близок был к истине – и вместе с тем далек от нее.

– Они ведь точно не люди, я вам говорю, – продолжил хоккеист. – Некоторые из них творят вещи, не которые люди не способны. А одну я даже столкнул с лестницы – случайно, я вам клянусь! Но она не умерла, нет. Ударившись о пол, она просто исчезла, а потом я увидел ее вновь в совсем другом коридоре. Короче, это похоже на проклятье, но я не понимаю, при чем тут вы.

– Может, это и правда проклятье, но связано оно не со мной, а с моим спутником. Вы лучше скажите мне, почему вам так не нравится быть их богом. Многие мужчины только о таком и мечтают!

– Многие только болтают, что мечтают о таком, – невесело рассмеялся Волков. – Мечтают они совсем о другом, просто

боятся в этом признаться. Надо же поддерживать образ ма-
чо! А кому-то и нравится весь этот порно-клуб, но не мне. Я
знаю, чего я хочу, и я боюсь...

Он запнулся, замолчал, и мне пришлось поторопить его:

– Чего?

– Я боюсь, что у меня не получится, что не найду, не смо-
гу... И придется довольствоваться вот этим. Тем, что сейчас
бегает по коридору.

Вот оно как. Здоровенный детина, гроза других хоккей-
ных команд, боялся не монстров, не войны и не бандитов.
Даже не болезни или смерти. Он хотел любить и боялся быть
нелюбимым.

Андрею Волкову отчаянно хотелось завести отношения,
настоящие и искренние, с абсолютным доверием и любовью
«несмотря ни на что», а не «дорогой, мне нужен доступ к
твоим счетам». Но он раз за разом обжигался сам и видел,
как обжигаются его друзья.

Меньшим из зол были вульгарные дуры, которым каза-
лось, что кратчайший путь к счастью лежит через беремен-
ность от известного человека. А худшим... худшим были
гламурные охотницы: девицы, которые были достаточно ум-
ны, чтобы изображать верность и преданность – до заветно-
го кольца на безымянном пальце. Потом можно было рас-
слабиться и показать свою истинную сущность. Он захочет
развестись? Не страшно, ведь тогда она и бригада опытных
адвокатов оттягают у него все, что можно.

– Я начал замечать, что превращаюсь в параноика, – покачал головой Волков. – Сближаясь с девушкой, я сразу начинал думать: а чего она хочет на самом деле? Я всегда искал подвох и, увы, всегда находил.

– А вы бы не знакомились со всякой силиконовой шустрой, у которой вместо сердца бумажник, – не выдержала я. – Нашли бы себе нормальную девушку!

– Звучит красиво – нормальная девушка! – оценил хоккеист. – Только где ж мне ее взять? И где взять время на ее поиск? Я постоянно на сборах, на играх, есть еще обязательства перед спонсорами... Не то чтобы я мог дни напролет выискивать «ту самую». Да и где? Куда я ни пойду, меня тут же узнают, даже те, кто хоккеем от футбола не отличит. Им достаточно того, что моя физиономия достаточно часто мелькает по телевизору. И знаете, что? Я мог бы содержать не одну и даже не двух. У меня на счету столько денег, что я и сам не знаю, что с ними делать. Но я не хочу так! Мне нравится думать, что во мне самом есть что-то такое, что можно любить. А для начала мне нужна девушка, которая не знает, кто я.

– В провинцию съездите, там вас много кто не узнает.

– Это возвращает нас к вопросу времени. Да и потом, у меня давно уже нет иллюзий относительно провинциальных дев.

Ясно с ним все: он так может сидеть и ныть часами, а у меня этих часов нет, мне нужно найти Шена и бежать отсюда,

пока влюбленные фурии мне голову не откусили. Вот только когда я направилась к двери, Волков резко запротестовал:

– Я туда не пойду! Мне надоело с себя этих пиявок снимать!

– И что теперь? Будешь сидеть здесь до скончания веков?

– Дождусь, пока они успокоятся, а потом уйду...

Но даже в его голосе не было уверенности, а я-то точно знала, что они не лягут спать и не устроят себе перерыв на чай с плюшками. Они – иллюзия, не настоящие, утрированные версии людей. Они только и могут, что кружить по этим коридорам, разыскивая своего бога, короля, Аполлона или кем там еще его назначили.

Но и бросить Волкова я не могла: он ведь, по большому счету, не виноват в том, что случилось... и что страхи у него очень странные. Оставалось только придумать, как вытащить его отсюда.

Время поджимало, строить из себя великого полководца не получалось, и идея у меня появилась только одна. Выслушав ее, Волков очень долго и эмоционально высказывал мне свое решительное «Нет». Я его не слушала, я бегала то в одну комнату, то в другую, собирая все необходимое. Швырнув на кровать баул тряпок, напоминающий все нажитое непосильным трудом имущество какого-нибудь бродяги, я заявила:

– Значит так... Я ухожу в любом случае. Ты или идешь со мной вот в таком виде, или сидишь здесь. А теперь представь, что будет, если они пойдут на штурм и застанут тебя

возле кровати.

Вид у Волкова сейчас был примерно как у шестнадцатилетней школьницы, застрявшей в баре, полном бородатых и очень одиноких мужиков. А при его брутальной внешности это выглядело по меньшей мере оригинально, поэтому пришлось сделать вид, что я чихаю, чтобы заглушить смех.

Он, похоже, понимал, что я права. Он начал переодеваться, а я дипломатично отвернулась, раздумывая тем временем, как разыскать Шена. И почему он вообще оказался непонятно где? Раньше-то мы все время попадали в одну точку магического мира! В следующий раз привязывать его к себе буду, честное слово!

– Ну как? – прервал мои размышления Волков.

Я повернулась к нему – и мне срочно пришлось изображать новый приступ чиха, на этот раз долгий и со слезами на глазах. Волков на мою уловку не повелся.

– Очень смешно, – мрачно заявил он.

Точнее, не он, а здоровенная широкоплечая тетка, могучая, как вышибала в ночном клубе. А что? Женщины всякие бывают! Разве я виновата, что на его массивную фигуру, покорявшую сердца тех самых болельщиц, нашлась только одна вещь: длинное сияющее пайетками платье до земли, огненно-красное, с кокетливым разрезом, открывающим одну мускулистую волосатую ногу. Нога эта (как, впрочем, и вторая) вбилась в остроносые синие туфли на шпильках, но явно чувствовала себя крайне неудобно. На груди платье силь-

но провисало, потому что было предназначено для особы с более пышными формами, но ничего, это я сейчас исправлю всякими шарфиками и колготками, скрученными в стратегические шарики. Шею, слишком мужскую для любой дамы, укутывало боа с перьями, тоже синее, чтобы туфлям было не так одиноко. Ну а коротко стриженую голову Волкова теперь венчал парик с длинными платиновыми кудрями.

В общем, если бы какой-то дикий генетический эксперимент вдруг объединил Шварценеггера и Джессику Рэббит, выглядело бы это примерно так.

– Бесподобно, – пискнула я, кое-как справившись с собой. – Один выход в таком виде на лед – и НХЛ тебя не забудет!

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Саша.

– Так вот, Саша, если меня в таком виде сфотографируют и выложат в интернет, я этому безумному ведьминскому шабашу скажу, что ты – моя жена, и посмотрим, что они от тебя тогда оставят!

Думаю, немного: так, пару сапожек и шапку. Но риск для моей жизни все равно невелик, потому что у иллюзий вряд ли есть мобильные телефоны и доступ в интернет.

Для полноты образа я немного побаловалась с косметикой, выводя Волкова из статуса местного бога. Скажу честно, женственней он от этого не стал, и когда я закончила, он напоминал в лучшем случае звезду травести шоу из како-

го-нибудь Лас-Вегаса. Он и сам это понимал, шарахаясь от зеркал, как вампир от чеснока.

– Давай поскорее со всем покончим, – простонал Волков. – Одно фото... одного будет достаточно, чтобы мне пришлось очень долго оправдываться!

– Если они тебя поймают, у тебя еще и видео появится. Вперед!

– Ты хоть знаешь, где твой друг?

– Точно не здесь, так что двигаемся, Долорес.

– С фига ли?

– Хм... Андреа?

– Лучше Долорес.

Есть у меня подозрение, что после дня в этом мире он вообще женщин ненавидеть начнет.

Хорошо еще, что Шен поколдует над его памятью!

Как я и ожидала, этот дом никогда не засыпал и не успокаивался. Когда мы вышли, и в коридорах, и в больших залах кипела жизнь. Перед нами перекатилась из комнаты в комнату странная женщина, в которой все было в равной степени круглым и огромным. На одном углу мы едва разминулись со стайкой анорексичных модниц, нервно оглядывающихся по сторонам и принюхивающихся к воздуху. Была тут и роковая красотка, перемазанная маслом и прикрытая разве что парой удачно размещенных тканевых лент – она присматривалась к нам дольше всего, потом презрительно поджала пухлые губки и помаршировала прочь.

Я все гадала: как можно столько ерунды придумать? А потом я поняла, что Волков ничего и не придумывал. Должно быть, игрушка Шена вытащила из его памяти реальные воспоминания о рвущихся к неземной страсти поклонницах, изменила их, дополнила, чтобы сделать пострашнее. Ведь задачей мартовского мира было показать Волкову его страхи и заставить победить их. Желтый шарик старался как мог, но Волков превращался скорее в трансвестита-неврастеника, чем в знатока женских желаний.

Его фанатки, которые подарили ему злополучный «Март», тоже хороши. Ведь это из-за них прекрасная половина человечества представляется тут лихорадочно блестящими глазами, полуголыми телами и губами размером с Мадагаскар. Насмотревшись на них, Волков считает нормальных женщин чуть ли не легендарными зверями, сродни единорогам – вроде и были, но вымерли. Ну и зря, нас-то большинство, самых обычных... включая тех, кто вынужден скакать между мирами, скрытыми в елочных игрушках.

Впрочем, все это стало неважным, когда я почувствовала дуновение свежего ветерка, кое-как пробившегося через густую завесу парфюмов. Похоже, очередной коридор должен был вывести нас к открытому балкону, а там и до свободы рукой подать!

Я даже видела впереди далекое ночное небо, восхитительно бескрайнее и близкое, когда на пути у нас появилось неожиданное препятствие. «Пограничники» были представ-

лены уже знакомой мне любительницей орудовать плетью (в компании плети, разумеется) и двумя близняшками-японками в школьной форме не по размеру. Мир, основанный на страхах этого хоккеиста, меня все больше напрягал.

Хищная красная пасть этой красавицы изогнулась в улыбке.

– Андрюша, а ты куда собрался? Кстати, блонд – не твой цвет.

А вот это уже что-то новенькое. Все предыдущие охотницы, какими бы они ни были, не узнавали в Волкове своего бога. Чаще всего они проходили мимо, а иногда ревниво шипели на него, как на соперницу.

Однако эта фурия узнала его сразу, да еще и обратилась по имени. Никто ведь не называет человека, вроде как считающегося богом, Андрюшей, правильно?

– Вы знакомы? – удивилась я.

– Это Алена, – обреченно признал он. – Моя бывшая.

– Тебе *вот такое* нравится? – Я бросила красноречивый взгляд на плетку. – Никогда бы не подумала!

– Да не нравится мне такое! Просто мы с ней по-разному поняли слова «хорошая хозяйка».

Когда мы познакомились, она была гораздо более одетой и менее вооруженной!

Думаю, настоящая Алена на стала бы нападать на нас, что бы она там ни предпочитала в постели. Но это была не она, это, видимо, был его самый глубинный страх. Красави-

ца-невеста, неожиданно превращающаяся в охранника лагерь строгого режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.